

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир
СВЕРЖИН

ГНЕЗДО
СЕДОГО ВОРОНА

Трактир «Разбитые надежды»

Владимир Сержин
Гнездо Седого Ворона

«ЭКСМО»

2014

Свержин В.

Гнездо Седого Ворона / В. Свержин — «Эксмо»,
2014 — (Трактир «Разбитые надежды»)

После масштабной катастрофы, которая унесла жизни миллиардов людей, жизнь на Земле превратилась в настоящую гонку на выживание. Единственным местом, где можно было получить помощь, стал Трактир с мрачноватым названием «Разбитые надежды». Здесь собирались самые опытные бойцы, здесь хранился солидный арсенал стрелкового оружия. Но Трактир привлек и внимание некоего Пророка, стремившегося подчинить себе все обитаемые земли. Его всадники бросали в огонь всех, кто отказывался принять их веру. Спасти Трактир мог бы Лешага, ведь недаром его именуют Светлым Рыцарем, но кто спасет самого Лешагу от ложного обвинения в убийстве?..

© Свержин В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Свержин

Гнездо Седого Ворона

Пролог

Заинтересованные взгляды мужчин, сидевших вокруг стола в напряженном ожидании, устремлены на дверь. Та почти бесшумно отходит в сторону и скрывается между двумя толстенными бронеплитами. Так прячется в нору змея, недовольная появлением чужака. Но вошедший не чужак, он здесь хозяин. Глядя на этого человека, никто бы не смог точно оценить его возраст: за сорок, но подтянут, моложав и, как отметил для себя Седой Ворон, деятельно спокоен. Это не отрешенность дзенских монахов, среди которых Ворону довелось провести последние десять лет. Нет. Этот готов встретить любой вызов судьбы и ответить на него быстро и обдуманно.

– Здравствуйте, джентльмены. – Хозяин бункера пружинистым энергичным шагом подошел к столу. Следовавший за ним великан-телохранитель молча отодвинул кресло для босса.

– Прошу садиться. – Он мельком бросил взгляд на гостей, приветствовавших хозяина бункера. – Времени немного, поэтому – к делу! Перед каждым из вас лежит папка. Как вы могли убедиться в мое отсутствие, открыть ее без специального приспособления невозможно. Сломать – тоже весьма затруднительно. После окончания наших переговоров – или лучше назвать это напутственной беседой? – Аттила раздаст вам ключи.

Все взгляды на долю секунды обратились к молчаливой фигуре за спиной говорившего.

За последние три месяца усиленных тренировок на ранчо мистера Эдварда Ноллана все присутствующие имели полную возможность близко познакомиться с человеком, откликавшимся на позывной «Аттила». Впрочем, «близко познакомиться» – не совсем те слова. О подручном босса известно было, что он умеет говорить, но совершенно не считает нужным пользоваться этой способностью. Правда, надо отдать должное, бойца и специалиста по выживанию такого класса трудно было отыскать даже среди них – отборнейших из отборных, просеянных через мельчайшее сито многоступенчатых испытаний.

– Итак, джентльмены, вынужден сообщить, что за последние месяцы, те самые, что вы провели здесь, обстановка в мире чрезвычайно осложнилась. И хотя такое положение дел загодя предсказывалось аналитиками моего исследовательского центра, точность их прогноза совершенно не радует. Повинуясь необходимости, я принял единственно возможное решение...

Сидящие за столом не удержались от порыва оглянуться, чтобы оценить, понимают ли соседи, что происходит. Кажется, не понимал никто. Видел это и Эдвард Ноллан, но интонация его голоса нимало не изменилась.

– По данным, полученным из самых надежных источников, в течение ближайших десяти дней, от силы двух недель, следует ожидать того, что могло бы войти в историю как очередная мировая война. Но, боюсь, вскоре после ее начала сам термин «история» утратит свой смысл.

А значит, пришло время, джентльмены, узнать суть возложенной на вас миссии. Трудной, но благородной... – Он замолчал, обвел взглядом слушателей, чуть заметно улыбнулся одними уголками губ, удовлетворенный деловитым спокойствием личного состава своего учебного центра. – Вот и хорошо! – хозяин бункера кивком подытожил наблюдения: – Я рад, что вы не вскакиваете с мест, не закатываете глаза и не задаете лишних вопросов. Это значит, мы сделали правильный выбор.

Буду с вами откровенен. Сегодня в шесть утра началась переброска заранее отобранного контингента на лунную станцию «Эндимион-Сити». В первую очередь это люди, представляю-

щие интеллектуальную элиту планеты, научную, техническую и культурную. А также, хоть это и прозвучит цинично, исключительно здоровые, молодые и красивые мужчины и женщины. Они, при удачном стечении обстоятельств, станут тем зерном, из которого взойдет новое человечество. Спасти остальных у меня нет возможности.

Однако вы, джентльмены, при всем моем к вам глубоком уважении, не входите в число эвакуируемых. – Он вновь замолчал, оглядел замершие в напряженном ожидании лица собравшихся и продолжил: – Вы останетесь здесь. Сейчас вам предстоит узнать, для чего.

Последние три месяца проходила отработка деятельности в парах. Теперь вам предстоит на деле продемонстрировать свои достижения. В папках, что перед вами, находятся маршруты каждой пары в один из бункеров, расположенных в разных частях света. Более подробную информацию вы получите, ознакомившись с предоставленными документами. Там же вы найдете ваши новые паспорта и кредитные карточки. Сами понимаете, очень скоро они станут никчемным мусором, так что рекомендую воспользоваться ими с максимальной отдачей. Тратьте, сколько сочтете нужным.

После того как вы доберетесь до своих бункеров, к слову сказать, они абсолютно идентичны тому, в котором мы находимся, вы должны оставаться там в течение полугода. Ни о чем не беспокойтесь: запасов продовольствия, чистой воды, медикаментов и всего, что вам может понадобиться, включая оружие и боеприпасы, при экономном расходовании там хватит на десятки лет. С энергообеспечением все также продумано, и на вашу жизнь хватит с лихвой.

Те полгода, которые вы будете находиться в подземных убежищах, а вы уже убедились, это очень надежные убежища, задача команды – следить за показаниями приборов и ежедневно передавать в Эндимион-Сити данные об уровне радиации, химическом и бактериологическом заражении.

Спустя положенный срок, вы должны выйти на поверхность. Конечно, в защитных костюмах, вы уже с ними знакомы. И провести глубокую разведку, чтобы оценить в целом ситуацию на поверхности. По результатам ваших докладов будет принято решение о возвращении человечества на Землю или о поиске новых планет, – он тяжело вздохнул, – пригодных для обитания. Надеюсь, джентльмены, я понятно изложил свою мысль?

Собравшиеся молча кивали. Седому Ворону показалось, что горло его перехватила волосяная петля, и застрявшие где-то в районе гортани слова просто не могут вырваться наружу. Подобно смертельно больному, мир испускал последние хрипы. А здесь, в безукоризненно чистом, словно операционная, подземном убежище в глубине базальтовой скалы об этом говорили так деловито и спокойно, будто оглашали программу развлечений на сегодняшний вечер.

– Я рад, джентльмены, что мы так хорошо друг друга понимаем, – с любезной улыбкой продолжил Ноллан. – Чтобы не было недоговорок, добавлю еще кое-что: хотя бункеры разрабатывались и строились с применением самых передовых технологий и совершенных ноу-хау, дать вам полную гарантию выживания я не могу, и никто не может. Но шанс, предоставленный вам, куда выше, нежели у тех, кто останется на поверхности. Быть может, это вас обрадует, я разрешаю каждому взять с собой по одной женщине детородного возраста, на ваше усмотрение. Не советую брать с собой больше. Это может создать ощутимые трудности для системы регенерации воздуха. Если через полгода результаты вашей разведки окажутся неудовлетворительными, вы подадите сигнал, и мы пришлем корабль, чтобы забрать вас в Эндимион-Сити или переселить в новое место, если останутся территории, пригодные для основания земной колонии.

Надеюсь все же, последствия грядущей бойни окажутся не столь фатальны, и хронический идиотизм, которым страдают, или, если хотите, наслаждаются, правители великих держав, будет обуздан с куда меньшими человеческими жертвами, чем прогнозируют наши аналитики. Возражений, как я понимаю, не предвидится. Вопросы, если они будут после ознакомления с

предоставленными вам материалами, вы сможете задать Аттиле, я же вынужден откланяться. Сами понимаете, организованная эвакуация – дело, требующее постоянного контроля.

Он кивнул молчаливому помощнику. Тот открыл небольшой кейс, прикованный серебряной цепочкой к его мощному, словно дубовый корень, запястью и положил перед каждым из сидящих вокруг стола небольшой медальон с ярким рисунком.

– Как вы, должно быть, уже догадываетесь, – прокомментировал Эдвард Ноллан, – это не что иное, как электронные дистанционные ключи, дающие возможность проникнуть в бункер и, конечно, открыть папки. На картинке – место расположения убежища. Ключ сработает автоматически в тот момент, когда вы окажетесь в указанном месте. Внутри медальона – ваш личный код доступа к передающей аппаратуре.

Что ж, джентльмены, от всей души желаю нам с вами радостной встречи через полгода.

Седой Ворон поглядел на лежащий перед ним амулет. На фоне заросших лесом гор и длинноухой статуи Будды монахи в ярких, точно вспышка, солнечно-оранжевых легких одеяниях выполняли повседневные упражнения, состязаясь в искусстве свободного поединка.

«Шаолинь, – улыбнулся Седой Ворон, узнав пейзаж. Он взял свой медальон и приложил к папке, так же, как сделал его напарник Ирбис. – Знакомые места, хорошо».

Глава 1

Монах в ярких, точно вспышка, одеяниях парил над землей, странно вытянув вперед ногу. Несведущим такой полет мог показаться невозможным. Однако... Лешага потрогал челюсть, воспоминания нахлынули, словно кто-то опрокинул ему на голову ведро холодной воды. Он-то имел случай познакомиться с этим секретом.

Старый Бирюк как-то продемонстрировал, что это за полет. Ни с того ни с сего взмыл с места, да как треснул пяткой по скуле. У Лехи тогда аж звезды из глаз посыпались. Как сознания не лишился, сам не знает. Учитель в тот день многое показывал из того, что умели в Шаолине. Но их с Михой учить не стал.

– В бою это вам не пригодится, – буркнул он, – в бою ноги бьют не выше пояса. Там, внизу, для них достаточно целей.

«Не пригодится...» – Леха вновь провел ладонью по щеке. Она была непривычно гладкой, не то что скобленная ножом. Здесь, в Трактире, водился один никчемный мужичонка, целый день бродивший в поисках куска хлеба по улицам и заверявший каждого встречного, что может запросто сделать любого таким красавцем, что всякая женщина от восторга сознание потеряет. В прежние времена Лешага считал его придурком. Ну, кому, спрашивается, нужна женщина без сознания? Да и что за блажь? Чтобы понравиться здесь женщине, достаточно иметь пару-тройку лишних патронов или пачку галет.

Другой вопрос, что в дороге легко можно было набраться вшей. Тут-то да, без придурка-брадобрея не обойтись. На этот раз Лешаге повезло, однако Лилии почему-то взбрело в голову, что так будет лучше. Почему лучше? В первое мгновение он хотел спросить у нее, а потом махнул рукой. Физиономия у Лилии была в этот момент столь забавной и такой милой, аж сердце зашлось. Пусть уж, если так ей хочется, этот голодранец делает его красивым. Сейчас Лешага корил себя за эту минутную слабость.

Едва увидев друга, Марат всплеснул чешуйчатыми руками и заявил:

– Ты прям, как Цезарь!

– Кто? – изумился воин.

– Цезарь. Он ходил в венке и всех побеждал. Вот. Потом его убили, и он спросил: «И ты, Брут?», а тот говорит: «И я, Цезарь», а Цезарь отвечает: «Не ждал». А тот: «Сюрприз!» Потом его голову стали делать из камня и железа.

– Зачем?

– Не знаю. Наверное, чтобы помнили.

– О чем?

Глаза Марата приобрели задумчивое выражение. Должно быть, этот лежащий на поверхности вопрос прежде не приходил ему в голову.

– Я думаю, – неуверенно предположил он, – на память о том, что он всех побеждал.

– Тогда почему только голову?

– Может, Брут ее отрезал? – Плечи чешуйчатого с отвращением дернулись от представшей воображению картины. – Тогда выходит, чтоб никто больше таким Брутам не верил.

Леха испытующе поглядел на ученика. После того как тот смог взлететь в небеса на диковинном навесе, вроде тех, что он ставил в лесу для защиты от ветра, хочешь не хочешь, приходилось если не верить каждому его слову, то хотя бы не отмахиваться сразу от речей чешуйчатого юнца.

– А кто такой был этот Брут?

Драконид напряг память, затем как-то смущенно покосился на учителя и нехотя произнес:

– Кажется, он был его другом.

– Так получается, нельзя верить друзьям?

– Ну что ты! – возмутился чешуйчатый. – Друзьям надо верить, на то они и друзья. А тот был головорез, понимаешь?!

Лешага пожевал губу и смерил говорившего долгим взглядом. На ум ему один за другим приходили образы тех, с кем еще совсем недавно он громил людоегов и волкоглавых. Почитай, к каждому из них это словцо подходило как нельзя лучше.

– Лешага, вот ты сейчас о чем подумал? – настороженно спросил Марат.

– Скажи, – ученик Старого Бирюка еще раз провел ладонью по свежевывскобленной щеке, каким-то неведомым образом роднившей его с бедолагой Цезарем, – я ведь тоже, получается, головорез?

– Нет-нет! – запротестовал ученик. – Ты – Светлый Рыцарь, а это совсем другое.

– Чем же другое?

Юнец зажмурился, натужно пытаясь найти слова для объяснения. На его счастье, в дверь постучали.

– Разрешите войти?

Бывший страж чуть заметно улыбнулся. Голос лейтенанта Нуралиева всегда звучал бодро и энергично. Казалось, будто этот не слишком могучий на вид боец только что хорошенько отдохнул и плотно пообедал.

– Входи.

– Товарищ Светлый Рыцарь, – вытянувшись, будто проглотил штaketину, и нелепо приложив руку к голове, начал командир взвода аэродромной охраны, – разрешите обратиться?!

Лешага поморщился. Никакие уговоры на этого храбреца не действовали.

– Говори уже. Кричать-то зачем?

– Согласно докладу трофейной команды, на поле боя обнаружено: 1218 единиц автоматического стрелкового оружия, из них 6 пулеметов, 32 карабина, а также 2 миномета и 23 мины к ним, 1218 162 патрона разных калибров и еще 62 пистолета, именуемых у вас короткостволами. Кроме того, в арсенал Трактира поступило 7014 единиц холодного оружия разных видов. – Он замялся, точно желая что-то сказать и не решаясь.

– Что-то произошло? – насторожился Лешага.

– Так точно. Тремя бойцами трофейной команды было похищено 122 патрона. – В его голосе слышалось неподдельное возмущение. – Я приказал расстрелять мародеров!

– Что? – нахмурился ученик Старого Бирюка.

– Как офицер, на которого было возложено руководство военными действиями, – еще больше разводя плечи, отчеканил Нуралиев, – я приказал расстрелять мародеров. Приговор незамедлительно был приведен в исполнение.

– Ты приказал расстрелять людей в Трактире? – Серые глаза Лешаги блеснули недобрым стальным отсветом.

Офицер на мгновение задумался, ничуть не заботясь реакцией товарища Светлого Рыцаря.

– Никак нет. Они расстреляны непосредственно на месте преступления.

– И никто не возразил? – голос у юнца был хриплым, точно он с трудом выдавливал из себя каждое слово.

Лейтенант бросил на говорящее существо уничижительный взгляд:

– Приказ шерифа – закон для подчиненного, и должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. – Каждое его слово звучало, подобно удару молотка, забивающего гвоздь в глупую башку непонятливого драконида. – По законам военного времени я обязан покарать ослушника, вплоть до высшей меры, то есть расстрела. Война и без того чересчур жестокое дело, чтобы допускать столь вопиющее разложение личного состава, как мародерство, а уж тем более – нарушение приказа.

– Но они же, наверно, об этом не знали, – вступился за справедливость Марат.

– Теперь узнают все. И, надеюсь, запомнят навсегда.

– Кого же ты приговорил? – глядя исподлобья, процедил Леха.

Нуралиев, казалось, не чувствовал стеснившихся над его головой туч. Едва услышав вопрос, он еще больше вытянулся и с некоторой гордостью отчеканил:

– Некто Макхал, один из людей Анальгина, и боец из отряда Усача.

Марат и Лешага молча переглянулись. Только вчера Усач с его людьми, возможно, спас их всех.

– А если бы я вдруг что-то взял там, на поле боя?! – возмущенно затараторил драконид. Он вдруг вспомнил, с каким удовольствием выбирал для Лилии автомат – самый красивый, с резным прикладом. – Ты что же, и меня бы расстрелял?!

– Конечно, – не моргнув глазом, отозвался офицер. – Закон один для всех, дисциплина превыше личных отношений.

– Здесь так не делают, – хмуро начал Лешага, понимая, что нажил жесточайших врагов в лице тех, с кем хотел бы, в худшем случае, поддерживать вооруженное перемирие. Что бы кто ни говорил, Нуралиева привел он, и благодаря ему тот получил власть.

– Товарищ Светлый Рыцарь, если бы прежде здесь делали именно так, то для защиты Трактира не понадобилось бы принимать столь экстренных мер и, уж конечно, две трети мужчин, способных держать оружие, не разбежались бы, как тараканы, едва услышав о приближении врага.

– Ты не понимаешь... – ученик Старого Бирюка набрал в легкие воздух, чтобы начать объяснять.

– Разрешите говорить откровенно, – дождавшись паузы, вклинился командир взвода аэродромной охраны. – Это вы не понимаете. Но есть те, кто действительно знает, как должно быть, и ценит порядок.

– Кого ты имеешь в виду?! – возмутился Леха. Он встал из-за стола, зажал в кулаке медальон и, едва удерживаясь, чтобы не двинуть наглеца в челюсть, приблизился к нему почти вплотную.

Но смутить лейтенанта не удалось. Уверенность в своей правоте делала его совершенно непоколебимым.

– Утром, перед тем как я отправился инспектировать трофейную команду, меня пригласил Трактирщик. Он предложил стать комендантом, вернее, шерифом этого места. Я согласился.

Бывший страж шумно выдохнул. Конечно, такой оборот событий несколько менял дело. Но что прикажете делать – кричать: «Я не виноват, это все он!». Не в его обычае уходить от ответственности.

Леха еще искал слова, не зная, то ли поздравить, то ли образумить недавнего соратника, когда дверь распахнулась, громко стукнув о стену. Лилия ввалилась внутрь, чуть не растянувшись на пороге. Рядом с ней, подобный черной туче, выступал пес. Шерсть на загривке стояла дыбом, глаза сверкали решимостью последней схватки. Марат шумно сглотнул, предчувствуя недоброе. Замыкал процессию Заурбек. Он пятился, держа автомат на изготовку и поводя стволом слева направо.

– Салам, Лешага-джан, – бросил он, закрывая дверь и подпирая ее стоявшим неподалеку стулом.

– Что происходит? – подхватив со стола оружие и привычным жестом передернув затвор, отозвался воин.

– Это ты меня спрашиваешь, что происходит? Счастье еще, что я наш красавица и твой собака на рынке увидел. Там Рустам со своими людьми и Усач со своими к тебе идут. Здесь, на углу, столкнулись, заспорили, кто первый. Только поэтому успел!

Лешага положил руку на плечо лейтенанта Нуралиева, уже доставшего пистолет из кобуры.

– Я же говорил: здесь так не делают.

* * *

Эдвард Ноллан III погладил кончиком указательного пальца массивную бронзовую карандашницу. Дед рассказывал, что когда-то его предок – Грэди Ноллан перебрался из Ольстера в Нью-Йорк, предварительно обчистив дом английского судьи, чтобы разжиться деньгами на пароход, а заодно и на первый случай там. Бог весть, что подвигло Грэди покуситься на эту карандашницу. Она и точно была хороша: библейский Самсон, с яростным лицом сокрушающий колонны. Прекрасная работа старого мастера. Каждый мускул, каждое звено цепи проработаны с высочайшей степенью искусства. Но все же – полтора фунта бронзы!

Как рассказывал дед, на новом месте у предка начались тяжелые времена, однако он не продал вещицу. Эдвард Ноллан I утверждал, что его прапрадед, любуясь ею, мечтал о лучших днях, но лично ему казалось, что тому виной гравировка: «Достопочтенному судье Джону Карлайлу, эсквайру, в день 50-летия от коллег из Принстонского суда». Сейчас уже доподлинно не узнать, что связывало мятежного ирландца с королевским судьей, возможно, трофей был неслучайным. Должно быть, потомки бедолаги-законника сгинули в мировой катастрофе, а может – судьба-насмешница – проживают сегодня в Эндимион-Сити и не подозревают о семейной реликвии, украшающей ныне кабинет главы Организационного Комитета станции.

Юноша, стоящий перед ним, ухмыльнулся, глядя на этот привычный жест. Он хорошо знал историю фигурки.

– Отец, – с напором продолжил он речь, прерванную секретарем, подавшим чашки с синтетическим кофе, – я вовсе не такой мальчишка, как тебе до сих пор кажется. Я год служил флаг-офицером у адмирала Тадеуша Сикорского и два года командовал шлюпом. Я ходил к Юпитеру и высаживался на Сатурне. Можешь спросить кого угодно, никто лучше меня не справится с задачей!

Эдвард Ноллан III молчал, глядя на сына, молчал, поглаживая рельефные мускулы Самсона. В том, что юноша в форме лейтенанта пилотажной группы астрофлота соответствует всем критериям для задуманной операции, он ничуть не сомневался. Но это был его сын. А там, на покинутой родине, некогда именовавшейся Голубой Планетой, поджидает неизвестность, вполне, может быть, адекватная неминуемой смерти.

– Пойми, отец, – продолжал Эдвард Ноллан IV, – я должен это сделать. Мой прадед, твой дед привел людей на эту планету, чтобы сохранить росток, который взойдет на обновленной Земле. Я же помню, как он хотел вернуться. Неужели ты думаешь, что он, – лейтенант астрофлота указал на портрет, украшавший стену кабинета, – потерпел бы, если б кто-то иной, а не я, первым ступил туда, где зародилось человечество.

Глава комитета молчал. Смерть ухмылялась из-под маски неизвестности. Его сын, гордый, каким он сам был много лет тому назад, смотрел требовательно, заранее отмечая любые резоны. Он достоин этого полета, и прекрасно это знал. Как знал и то, что отец не сможет послать на такое опасное задание кого-нибудь другого, спрятать любимого отпрыска под широким крылом.

Эдвард Ноллан III закрыл глаза. Уже три столетия могучий Самсон силился свалить бронзовые колонны. Три столетия его мускулы вздувались и цепи натягивались, будто струны. Его дерзанию не суждено было увенчаться победой, но он не унимался.

– Хорошо, – резко поднялся глава комитета. – Я назначаю тебя командиром разведывательного шлюпа. Три дня на подготовку к полету. Свободен.

* * *

Строй Несокрушимых расступился, пропуская гонца недоброй вести. Красная повязка на его шее означала, что несчастный готов принять удар отточенной сабли халифа, но прежде выполнить возложенную на него миссию. Из-под темных забрал сферических шлемов не было видно глаз воинов личной гвардии Пророка, но и без того любой при дворе понимал, что в этот миг каждый из приставленных к повелителю стражей в черной непробиваемой броне уже смерил расстояние как до гонца, так и до его сановного слушателя. Вдруг что не так, тогда и один, и другой могут быть уничтожены во мгновение ока по воле Всевеликого.

Гонец рухнул на колени посреди опушки и преклонил голову у самых ног высочайшего наместника.

– Мой господин, злые известия!

Халиф обвел взглядом приближенных, те вслушивались в каждое слово вестника, словно любой пропущенный звук могут стоить жизни.

«Что бы там ни произошло, никому знать о том покуда не стоит».

– Ступай за мной. – Хозяин земель, простиравшихся от Восходных болот до Срединного хребта, слегка ткнул гонца в плечо носком сапога.

Тот безропотно повиновался, не смея поднять глаз на свиту. Все прочие остались на местах, от них не укрылся скрытый смысл приказа. Лишь гвардейцы в шлемах с темными забралами последовали за властителем – указующим перстом благословенного Пророка.

Сложенный из массивных тесаных бревен, походный дворец халифа тащили на марше десяток круторогих быков, угрюмых, славящихся небывалой силой. Для любого из придворных было высокой честью, если халиф разрешал поместить изображение головы красного быка на парадном одеянии. Сейчас поставленный на колеса дворец стоял на земле. Могучие быки паслись поодаль. Все ждали вестей. И вести прибыли.

Халиф быстрым шагом поднялся по лестнице, дождался, пока займут посты молчаливые стражи, и недобро уставился на вестника.

– Говори.

– О блистательный сын повелителя...

– Оставь это. Что у тебя за послание?

– Ваш брат, наш доблестный полководец Ильшах, – опуская глаза в пол, скорбно заговорил прибывший, – храбрый из храбрых, пал в схватке с волкоглавыми.

– Что?! – наместник Пророка вспыхнул и сжал пальцы на рукояти сабли. – Разве он не пошел к Трактиру?!

– Он сделал все, как было велено, – поспешил вступить за покойного гонец недоброй вести. – Тот, кого ты послал следить за неверными, сообщил ему все, что удалось вызнать. И все же неверные перехитрили их. Невесть откуда они взяли армию чудовищ, которую в тех краях именуют прорвами, и натравили их на войско отважнейшего Ильшаха, да примет его светлый мир достойных предков. Ваш несравненный брат сражался с доблестью, превышающей всякое разумение. И сто воинов не смогли бы того, что совершал наш великий полководец, осиянный благословением Пророка. Но силы были не равны. К тому же люди из Трактира устроили засаду...

– Этого не должно было случиться! – хмуро теребя кожаный темляк на сабельной рукояти, перебил хозяин дворца. – Как такое вообще могло произойти?!

Он устремил на вестника злобный взгляд, тот невольно схватился за шею, будто ощущая под алой повязкой смертельный холод отточенного клинка.

– Их вел в бой какой-то Лешага, которого там именуют Светлым Рыцарем, и его нукер – некто лейтенант Нуралиев. О них пока известно немного. Лешага прежде охранял караваны,

но потерял в бою напарника и отправился искать его. Тот, кого ты послал в земли неверных, покуда не смог разузнать все детали этой темной истории. Но зато он велел сообщить другое: на груди этого Светлого Рыцаря висит медальон с летящим монахом.

* * *

Заурбек искоса глянул в единственное оконце, забранное частой сеткой. Сквозь мелкие дырочки людей было не разглядеть, но звук шагов, характерный перестук автоматов, бьющихся о подсумки, не оставляли сомнений – к дому приближается вооруженная толпа.

– Идут, – коротко бросил он. В критические минуты этот краснобай становился немногословен и обходился без обычных витиеватостей.

– Стены из камня, – быстро оценил Нуралиев. – Толстые. Автоматная пуля не пробьет. Надо забаррикадировать оконный проем столом. Вам, товарищ Светлый Рыцарь, необходимо взять под контроль входную дверь, мы с Заурбеком будем вести огонь с этой позиции. Лилия, вам бы лучше лечь на пол у стены, чтобы не зацепило шальной пулей. А он, – Нуралиев кивнул в сторону Марата, – тем временем может выбраться через крышу и привести сюда подмогу. Надо продержаться минут пятнадцать, от силы двадцать.

– Помолчи, – оборвал Лешага скороговорку новоявленного коменданта. – В Трактире не убивают, здесь никому не позволено стрелять.

– Прежде не было позволено. – Лейтенант блеснул темными глазами. – А сейчас есть порядок и есть те, кто не готов его соблюдать. И пока я – комендант этого пункта, всякий, кто не желает уважать порядок...

Короткий удар под дых оборвал его речь. Выходец из Павлобунка рухнул на колени, жадно хватая ртом воздух, затем повалился на пол.

– Забери короткоствол, – жестко скомандовал ученик Старого Бирюка.

Чешуйчатый, не заставляя себя упрашивать, прыжком оказался на спине офицера и вырвал пистолет у того из руки.

– Я сам так хотел! – затараторил он. – Прямо руки чесались! Вот если бы ты меня научил!

– Эй, Лешага, выходи! – раздалось с улицы.

– Рустам, – прошептал Заурбек. – Макхал, которого расстреляли, был его человеком!

– Выходи, мы тебя здесь рвать не будем.

– А это Усач, – мрачно добавил Светлый Рыцарь.

Лилия стояла ни жива ни мертва. Только сейчас, похоже, до нее в полной мере дошел ужас происходящего.

– Они что же, хотят нас убить?

– Хотят, – кивнул Леха. – Но здесь не станут.

– Но ведь только вчера мы вместе, плечом к плечу...

– Вчера – это очень давно. А сегодня, – бывший страж кивнул на скорчившегося от боли Нуралиева, – этот шериф навел порядок.

– Но ты же здесь ни при чем!

– Они думают, что при чем.

– Что же делать? – девушка чувствовала себя в западне. И, самое ужасное, – ей казалось, даже ее избранник не знает, как поступить.

– Схожу поговорю, – Леха пожал плечами.

– Опасно, – вмешался не на шутку взволнованный Заурбек. – Макхал прежде был наставником Рустама. Такого не прощают. Стрелять не будут, но могут забить до полусмерти.

Ученик Старого Бирюка молча кивнул и отодвинул стул, подпиравший дверь.

– Лешага, – за его спиной вздохнул Марат, – я не хотел, чтоб так получилось, извини. Зря я уговорил тебя принять лейтенанта в наш отряд! Я думал, он поможет.

– Он и помог. Вчера. – Бывший страж приоткрыл дверь.

– Что, песий сын, под лавкой застрял?! – вновь раздался голос Усача. – Ну, хоть потявкой оттуда!

Черный бросился к хозяину и угрожающе зарычал. На улице захохотали.

– Учитель, а может, им этого выдать? – в спину Лехи предложил чешуйчатый. – Это же он все натворил!

Не слушая его, Лешага распахнул дверь.

Глава 2

Эту часть Трактира уже и не припомнить, кто окрестил Лысыми Камнями из-за трех выпирающих из земли округлых глыб у самого обреза берега. Правда, один старый поисковик, доживавший век в этом заповедном краю, клялся, что это вовсе не валуны, и под ними абсолютно точно есть тайные ходы. Но копать Трактирщик запрещал, а никто из тех, кто строил в этих местах хижины, ни на какие такие ходы не натыкался. По крайней мере, не рассказывал об этом.

Дом, занятый Лешагой, его женщиной и чешуйчатым драконидом, жался вплотную к самому дальнему камню, так что тот служил одной из стен жилища. Сейчас возле него, размахивая обнаженным кинжалом, бушевал Рустам – один из опытейших мастеров своего дела. Всякому было известно, что Рустам с Макхалом уже двенадцать лет сопровождают караваны, и не откуда-нибудь, а от самого острова Чеч, где убить могут и за пустую жестянку, да что там, просто за косой взгляд. Вернее, сопровождали.

Рядом с ним, ближе к двери, высился и ширился Усач. Никто в Трактире, за исключением, пожалуй, Бурого, не мог сравниться с ним, когда дело доходило до того, чтоб померяться силой рук. Правда, если этим забава не ограничивалась и стражам приходила в голову блажь помахать кулаками, с Лешагой ему было не тягаться. Уж скорее он смог бы выбить дух из собственной тени. Но не таков был Усач, чтобы мириться с поражением.

Сегодня всем было не до забав.

– Ты бы выполз, поскребыш гадючий! – победно оглядываясь на своих бойцов, оскалился верзила, указывая на Леху обрезом двуствольного ружья.

Ученик Старого Бирюка знал эту манеру: вечный задира постоянно таскал с собой оружие, заряженное мелко нарубленными гвоздями. Автомат – штука хорошая, но вблизи его пуля насквозь прошивает врага и летит себе дальше. А если брать калибром поменьше, и вообще, поди отгадай, от какой ветки, от какого куста пуля уйдет в сторону. А из этой штуковины, если в упор, да из обоих стволов пальнуть – только держись! Врага едва ли не в клочья рвет. Вот и сейчас Усач тряс двустволкой перед самым носом у Лехи, не убирая пальцы со спусковых крючков.

– Ты что же, дерьмо шакалье, возомнил?! Да я ж тебя!..

Лешага медленно отвел в сторону прыгающие у его лица стволы.

– погоди.

– Чего годить-то, чего?! – не унимался тот. – Твой хореk моего парня за сучий чих положил! А я годить буду?!

– Патроны – не сучий чих, сам знаешь. Сказано было – не брать. Он взял.

– Ты это сейчас кому говоришь? Это ты мне говоришь?! – Усач зашипел, угрожающе вращая глазами, почти упирая обрез в грудь собеседника.

Черный зарычал и припал на задние лапы, готовясь к прыжку.

– Зачем такое сказал?! – вмешался Рустам. – Если мой человек что-то взял – отдай его мне. Раз он мой – с меня и спрос. Твой нукер моего напарника под пули поставил! Слышишь меня, Лешага? Я тебе громко сказал: под пули! Он их больше на него потратил, чем Макхал взял! И какая в том беда, что взял?! Он свои вчера расстрелял! Сам знаешь, в бою был. А эти – не у тебя утянул и не у щенка твоего – Нуралиева. Все честно – с трупа снял. С врага. Совсем мало взял, какая в том беда?! – старейший из стражей чуть не плакал от горя и обиды.

Леха хотел было сказать, что до недавнего времени лейтенант жил совсем по иному закону, но удержался. Как бы прежде тот ни жил, сейчас он числился его человеком, а значит, и отвечать ему. Да и что проку от слов? Мертвых не вернуть.

– Рустам, твое горе – мое горе. Мне с Макхалом нечего делить было. Мы с ним на Гиблые топи ходили, сам помнишь. Но и ты пойми, раз уж лейтенант – мой человек, отдайте его мне. Сам буду судить.

– Отчего ж нет, суди. Я только глянуть хочу. Вот если б кто из моих, скажем, Бурого убил, и мне б судить пришлось, как бы оно было?! Я вот не знаю. Покажи мне, старому дураку.

У Лешаги заныло в груди при воспоминании о побратиме.

– Да кого ты слушаешь, Рустам?! Судить он будет! Из него судила, как из дерьма пуля! – бойцы за спиной Усача согласно загомонили. – Его б самого, того, судить не помешало. Чтоб уж по закону! А ну-ка, скажи людям, куда ты напарника дел?! А то ишь, придумал: «ищу я его». Потерялся немножко. Это Бурый-то потерялся?! Тут люди поговаривают, что ты его у Старой Переправы волкоглавым сдал, чтобы свою подлючую головушку сберечь! Или скажешь, не так дело было?

Леха скрипнул зубами:

– Не так.

– Ври больше! Пошли вдвоем, мне о том верно сказывали. Пришел ты один. Трупа нет, и ты юлишь, как тот кот задницей по песку: ищу, мол. Все вы одной породы, что ты, что выкормыш твой!

– Э, зачем такое говоришь? – вмешался Рустам.

– Что хочу, то и говорю, ты мне рот не затыкай. Вон небось бабу не поделили! – огрызнулся гигант. – Вот он на засаду побратима и навел. А там, что был, что не был – кто поймет?! Я давно говорил: скурвился ты, Лешага. Кончать тебя пора.

– Коли пора, то и попробуй, – хмуро отрезал ученик Старого Бирюка. – Дикое Поле – широкое, место всегда найдется.

– Я-то попробую, это уж не сомневайся. Да только ж ты небось из Трактира больше ни ногой. Хвост-то небось поджал! – все распалялся громадный страж.

– Хвоста у меня нет, а стало быть, и поджимать нечего.

– Что, нешто еще не отрастил?! Ты ж у нас теперь вожак стаи, так, поди, скоро гавкать начнешь.

Лешага чуть прикрыл глаза, понимая, что взбешенный Усач вытаскивает его на бой до смерти. Схватки он не боялся, но прибавлять к сегодняшним трупам еще один – глупее, пожалуй, и придумать нельзя. Да и с чего бы вдруг? Не так уж много хороших стражей, охраняющих нити-караваны в Диком Поле. А Усач, хоть и шальная голова, а вовсе не из худших. Да и то, вчера, не подоспей он со своими людьми, как бы еще дело обернулось?

– Мы в Трактире, – напомнил Леха. – Коли что не так, ступай к Трактирщику, да все ему перескажи. Ежели позовут – я приду. О чем спросят – ничего не утаю. Сам знаешь, каков порядок.

– Я-то знаю, – сплюнул ему под ноги верзила. – Как не знать. А ты вот, песий сын, в конуру забился. Хорошо в ней, тепло, вольготно, и баба, вон, при тебе. Твое счастье, что в Трактире людей убивать нельзя. – Он вдруг замер, и стволы его обреза резко пошли вниз. – Людей нельзя, а вот пса...

Точно сжатая пружина выпрямилась внутри Лешаги. Он качнулся, уходя с линии выстрела, захватывая левой рукой стволы. Полмгновения, и они резко пошли вверх, оборачиваясь в сторону Усача. В этот миг, выпусти гигант оружие, все бы обошлось. Но не таков был этот, точно вытесанный из глыбы гранита, задира. Пятерня его только крепче сжалась на рукояти и указательный палец будто впился в спусковые крючки, все глубже вдавливая их, до самого упора.

Два выстрела слились в один, и толпа взвыла, на миг отпрянув. Исеченное каленым железом тело Усача рухнуло наземь, разбрызгивая во все стороны кровавые гроздья. Рев возмущения заглушил сухие щелчки затворов. Но в это мгновение с дальнего конца улицы, из-

за двух лысых камней показались бойцы с автоматами на изготовку. Должно быть, услышав выстрелы, они припустили бегом и теперь привычно рассредотачивались, прячась за углами домов или прямо на бегу падая на землю, готовые открыть огонь.

– Засада! – крикнул один из людей Усача, выхватывая из гранатного подсумка увесистую ребристую чушку.

Лешага узнал новоприбывших, вернее, первого из них, притаившегося сейчас за округлым выступом. Это был Анальгин. Сперва у него мелькнула предательская мысль, что раздолжник решил примкнуть к обиженным, но, похоже, это было не так.

– Засада! – не унимался новый вожак, цепляя указательным пальцем гранатное кольцо. Еще мгновение... Но именно в этот краткий миг Черный метнулся вперед, смыкая челюсти на запястье.

– Остановитесь! – раздалось вдруг. – Так нельзя.

Библиотекарь – с удивлением узнал Лешага.

* * *

Халиф Эрgez, наместник Пророка, благодатный повелитель, страж воли небес, устремил немигающий взгляд, тяжелый, словно пресс винодела, на обреченного гонца дурной вести. Красная тряпка на шее вестника будто притягивала к себе немилосердную сталь клинка. Он молчал, ощущая нетерпеливое дыхание смерти за спиной, и глядел в чисто выскобленные доски пола. Халиф погладил рукоять врученной некогда Аттилой сабли – знак его непререкаемой власти. «Имя ему Шамшир, лезвие его отделяет жизнь от смерти, лишь оно – настоящее, все иное – прошлое или будущее. Помни, что держишь ты в своих руках! И пусть воля твоя станет продолжением моей воли. И да обернется сталь клинка против тебя, если осмелишься дерзнуть против спасителя твоего».

Эргез часто вспоминал тот день и тот час. Иногда втайне от всех, отложив саблю подальше, он подумывал о временах, когда благословенный Аттила, присланный народу Земли в тягчайший миг испытаний, вернется к небесным вратам, воспарит туда, куда, отбыв с верностью и покорством свой очистительный срок, уходят все правоверные.

«Кто из восьми халифов тогда унаследует священный трон Блюстителя истинной веры? По всему, он – достойнейший, но какова будет воля Пророка?.. Быть может, он решит вернуть свою милость Шерхану...»

То ли выдох, то ли стон коленопреклоненного гонца вырвал его из трясины досужих мыслей.

«Да живет Пророк вне времени и во все времена! Но что говорит этот несчастный?! Медальон с летящим монахом – одна из реликвий, похищенная изменниками в канун Того Дня?»

– Человек, о котором ты рассказываешь, видел это своими глазами?

– Нет, ему об этом рассказал изгнанник. Но тот клялся, что видел сам, когда Лешага утром обливался водой из ручья. Кажется, он и не думает скрывать, что владеет этим сокровищем.

Халиф Эрgez удивленно поднял брови. Как можно не видеть сокровища, которое постоянно у тебя под носом? Хотя охранитель караванов мог найти реликвию где-то во время странствий, попросту снять с трупа или выменять у того, кто снял.

– Что еще рассказывал этот человек о Лешаге?

– Он – прекрасный воин, будто создан для боя. Люди верят ему, и не только люди. Вместе с ним идет существо, именующее себя драконидом, и стая диких псов, считающая этого неверного своим вожаком.

Наместник Пророка на мгновение задумался, ощупывая чуткими пальцами золоченые заклепки на костяной рукояти. «Драконид, дикие псы... Нет, пожалуй, такой человек знает, что он носит. В таком случае дерзость его воистину не ведает границ».

– Встань! – скомандовал Эрgez.

Гонец поднялся, все еще опасаясь смотреть на халифа.

– Я желаю знать об этом человек все! И запомни, даже если огненная бездна разверзнется под его ногами, он должен выжить.

– Осмелюсь спросить, – почти шепотом, удивляясь собственной дерзости, проговорил гонец, – этот человек – наш враг, он желает смерти правоверным. Разве не повинны мы, вступившие на путь Священной войны, умертвить каждого, пожелавшего воспрепятствовать торжеству истинной веры?

– Принять смерть во имя правого дела – значит найти жизнь истинную. И, стало быть, не важно, сколько правоверных обретут ключи от светлого настоящего, расставшись благодаря этому Лешаге с оковами погубленного мира. Выполняй и помни: кто должен оставаться в живых для исполнения моей воли, пусть будет жив. Все остальные могут умереть.

– Да пребудет с нами воля Пророка! – все еще не веря в благополучный исход своей миссии, возгласил гонец, пятась к двери.

– Да восславится имя его.

* * *

Анальгин лежал за камнем, аккуратно, как его учили еще в юности, совмещая выемку на прицельной планке с обрезом замкнутой в кольцо мушки. Эта незримая линия уходила вдаль и упиралась точно в грудь смуглого бородача, размахивавшего кинжалом. На такой дистанции пуля войдет чуть выше, не оставляя шансов, попадет точно в лоб, так, чтобы без лишних мучений. Какая досада! Рустам еще совсем недавно держал один из секторов обстрела на их общем поле боя. И хорошо держал.

Секунда растягивалась, будто налипшая на кору смола, еще не успевшая затвердеть и обратиться в камень. Анальгин знал это чувство, когда что-то должно произойти, а ты ждешь и одновременно страшишься.

Так было тогда, еще совсем недавно, на том проклятом ночлеге. Лешага обнажил нож и неспешно пошел к ним, увязанным в одну длинную беспомощную цепочку. Раздольник в ту минуту буквально кожей чувствовал исходящий от стального клинка смертный холод и неумную жажду крови. Леху он знал и прежде, и казалось, еще мгновение, тот пройдет вот так мимо строя, даже не поморщится, рукой поведет, рассекая аорты отточенным лезвием – и вся гусеница осядет вмиг.

В эту минуту атаман увидел, как стремительно прыгает Черный, как падает на землю граната. Он даже успел рассмотреть, что кольцо, слава Ноллану, по-прежнему на месте. В следующий миг Лешага даст команду... В том, какова будет команда, бывший раздольник не сомневался. Чего же еще ждать в такой ситуации?!

А эти-то, вояки, с хвостом промеж ушей, ишь, как раздухарились! Неспроста на рожон лезут: всякому понятно, что после вчерашней победы нет больше прежнего Лешаги – стража и охотника за раздольничьими головами. Обернулся чем-то новым, чему Анальгин, по скудости умишка, и названия-то не знает, но чувствует всей шкурой.

И эти чувствуют. А то б чего вскинулись? Людей, мол, их лейтенант убил. И что с того, что убил? Правильно сделал. Все, хана, баста, что вчера было – ушло! Раз вместе дрались, стало быть, и вся добыча в общак! А уж там каждому его доля обломится. А эти – нет, тихому себе под хвост заханырить!..

В Диком Поле за такое не стреляют – пули жалко, всем кодлом на части рвут!

Вон Хлобыст забыл, что теперь да как, и схлопотал, – все честь по чести. Лешага и то предупреждал, что хоть ложку не по делу возьмешь – и поминай как звали. Спасибо еще, лейтенант всех с ним к стенке не поставил. А мог.

Когда Тиль с выпученными глазами примчался, голося, что вооруженная толпа идет Лешагу громить, никто и вякнуть не посмел, мол, и мы с ними. Виноват – так получи! Чего ж тут на стенку лезть? Одно бы дело, когда Лехин подручник чужаков порешил, а своего пожалел, было бы с чего языком тереть. Ан нет – все по понятиям.

Но что же командир медлит?!

– Остановитесь! Так нельзя!..

А, вот оно почему!

Человека, бежавшего сейчас рядом с песнопевцем, Анальгин уже намеренно видел. Высокий, сухой, как жердь, с длинными седыми волосами, забранными в пучок, но молодым взглядом почти черных глаз, он производил странное впечатление. Раздольник и представить себе не мог, что такие старики существуют, а уж бежать так, что Тиль рядом едва поспевал, не каждому молодому под силу. Впрочем, страх порой толкает похлеще, чем ветер в спину.

А как тут не бояться? Начнись сейчас в Трактире перестрелка, и все, что до последних дней звалось порядком и законом, вмиг пойдет прахом. Ему ли не знать? Пока закон, кровью политый, сам собой в головах и сердцах не вырастет, толку от него, как от чирья на заднице. Но если уж вырос закон...

– Уйди, старик! – Рустам взмахнул перед носом Библиотекаря острым, точно бритва, кинжалом.

«Эх, как неудачно встал! – досадливо подумал Анальгин. – Прямо на линии выстрела. Ничего, вот сейчас отскочит...»

Библиотекарь и не думал отскакивать, даже отшатываться. Он стоял, замерев, и пристально глядел на взбешенного горца. Тот вдруг как-то скукожился, досадливо вогнал отточенную сталь в ножны.

– Прости. – Он почтительно склонил голову и проговорил через силу:

– Рассуди нас, отец.

* * *

Селение, отстроенное вскоре после Того Дня в предгорьях, у поросшей лесом каменной гряды, бурлило. Не каждый день с торжища приносят такие новости, и уж подавно сроду не бывало, чтобы в них был замешан их земляк, и не сбоку припеку, а буквально ж, первейший герой!

Всякий теперь наперебой вспоминал, как в прежние времена-то было: кто с Лешагой рыбу в реке острогой бил, кто с ним в детские годы на кулачках дрался, ну, это совсем мальцами. Потом, когда Старый Бирюк, не к ночи будь помянут, его и Миху к себе в ученики взял, тогда уж с ними никто на кулаках не бился – в один миг сметут.

Да что на кулаках, они вон и рыбу потом без всякой снасти, голыми руками ловили. С утра, бывало, на Речном Перекате сядут по пояс в воде и глядят, не появится ли белорыбица хвостатая, поблескивая чешуей. Затем бац – одно движение, и рыбина в кулаке. Прочие сколько ни пробовали, а этак не выходило. Иной, бывало, и ухватит, так не удержит.

А теперь вот Леха во главе целой армии встал и разгромил дикое воинство, а то и два! Купчина, что о том рассказывал, своими глазами не видел, на другом торге слышал, и потом где-то, что-то да приврал. Вот, к примеру, сказывал, что ученик Бирюка на драконе по небу летал! Это же вовсе сказки. Учитель еще когда объяснял, что никаких драконов в помине не было, а были динозубры или, кажется, длиннозубры – сейчас и не упомянуть.

Сам учитель ходил именинником, рассказывал всякому, каким умным был Леха, как быстро он освоил грамоту и как старательно перечитал все шесть книг, какими владело селение. Даже кулинарную осилил, хотя почти ничего в ней не понял. Но ведь и никто не понял! Но читать все одно интересно: слова там такие волшебные: анчоус, антрекот, бефстроганов...

Увлеченный своими воспоминаниями, учитель обернулся, ища, кому бы еще поведать о самом лучшем и любимом из своих учеников. Только нечестно все заслуги себе присваивать. Надо по справедливости поделить славу с Бирюком. Что-то его, кстати, с утра не видно. Не занемог ли? Само это слово не слишком вязалось с образом вечно хмурого, но крепкого, точно дубовый ствол, односельчанина. Пожалуй, стоит к нему зайти, а то ведь, может, и помер. Лет же ему немало! Может, полвека будет. А то и больше.

Идти не хотелось. Всякий знал, что от чужака слова доброго не услышишь, да оно порой и спокойнее, если не услышишь вовсе ничего.

«Но с другой стороны, – подумал учитель, – с кем, как не с ним, делить лавры?» Что такое лавры, он представлял довольно слабо. В той самой книге, где писали о харчо и солянках по-селянски или, может, селянках по-солянски, лавры следовало кидать в почти готовое блюдо.

Должно быть, это было чрезвычайно важно, иначе с чего бы в другой книге говорилось, что лавры вручали исключительно победителям?

Раздумывая над этим, он направился к хижине на отшибе, где обитал Наставник Боя. Тот был дома. Казалось, вся шумиха вовсе его не касается.

– Эй! – крикнул учитель, держась несколько поодаль от входа, прикрытого занавесью от слепней и мух. – Старый Бирюк, люди толкуют, что, по словам караванщика, где-то там, у Трактира, наш Леха огромное войско победил!

– Знаю, – донеслось в ответ. – Проваливай.

– Что за человек?! – возмутился учитель. – Я ему такую весть принес!.. – он еще бурчал себе под нос, коря невежу, когда вдруг дверь за его спиной распахнулась.

«Сейчас точно прибьет», – с ужасом подумал наставник юных душ, невольно ускоряя шаг. Всякому было известно, что пришлый нелюдимец тяжел на руку.

Но удара не последовало. Селянин опасливо глянул через плечо, да так и замер. Наставник Боя во всеоружии подскочил к высоченной, без малого в три человеческих роста, ограде, сбитой из сосновых заточенных попереху бревен, и перемахнул ее с такой скоростью, что и белка бы не угналась.

– Вот так-так! – обескураженно прошептал учитель. – Вот так-так...

Старый Бирюк скользнул в густой кустарник, ушел змеей по-над землей, листья дрогнули, может, на самую малость сильнее, чем от легкого ветра. Места им хожены и переходены, потому двигался он быстро, не цепляя расставленных поперек незаметной тропки силков, обходя упрятанные в палой листве им же самым сухие ветки-сторожки. На такие лишь наступи – треск издали слышен. Дальше каменная сыпуха, на ней так просто не укрыться, но, впрочем, это уж как кому.

Он хотя и близко, но еще не здесь.

Старый воин затаился, прислушиваясь не к шорохам перелеска, а к внутренним ощущениям – это у него получалось всегда само собой.

Похоже, действительно Он.

Нежданный гость его еще не слышал, но, ничего не поделаешь, скоро услышит. Может, оно и к лучшему, что скоро.

Глава 3

Лешага прикрыл глаза. В который раз за сегодняшний вечер знаменитый кассовый аппарат Трактирщика металлическим звяканьем призывал собрание к порядку.

Леха безмолвно выслушал обвинения. А что тут говорить? Последствий нынешнего выстрела не изменишь. Да ученик Старого Бирюка и не собирался отпираться. Ему припомнились слова, некогда вскользь брошенные наставником: «Будь прав, и стой, хоть против целого мира». Сейчас он сам не мог для себя решить, прав был или не прав. Как-то уж все по-дурацки вышло.

Гомон толпы стих, и сам Библиотекарь взял слово:

– Невозможно сделать бывшее не бывшим, – начал старик. – Усач мертв, и множество достойных людей скорбит о нем. Здесь только что говорили те, кто своими глазами видел гибель этого воина и предводителя воинов. Рустам, говоривший передо мной, утверждает, что Лешага убил Усача, но, послушав свидетелей, я хочу задать вопрос: повинен ли Лешага в гибели стража с Южных Перекатов?

– Повинен! – взвился с места Рустам. – Я все сказал, как было!

Вновь звякнул кассовый аппарат, прерывая возмущенный крик обвинителя.

– Здесь каждый знает Лешагу, – хмуро продолжил Хранитель Знаний, – и вряд ли сомневается, что он был в состоянии убить этого человека. Тем более что тот угрожал ему оружием.

– Да, оно так! – раздалось из толпы слушателей. – Этот мог, еще как мог!

– И раз не убил прежде, стало быть, не желал смерти Усача.

– Так, ясно, не желал! – опять донеслось из толпы. – Он его вдругорядь еще в круге порезать мог, никто бы и слова не сказал! Усач потом все бил себя в грудь, что лишку хлебнул, но все ж видели, что с Лехой ему не тягаться было.

И снова звякнул кассовый аппарат. Трактирщик, длинный, носатый, как и его предок, степенно встал с кресла.

– Я требую прекратить заявления с мест. Еще раз – и я прикажу шерифу очистить зал.

При этих словах лейтенант Нуралиев вытянулся и расправил плечи. Лешага поглядел на недавнего боевого товарища. Тот перехватил его взгляд и отвернулся, стараясь не утратить бравого вида.

«Глупо получилось, – подумал обвиняемый, – чего уж теперь ерзать, головой вертеть».

Он мысленно вернулся к недавней сцене у Лысых Камней. Через несколько мгновений после того, как там появился Библиотекарь, приведенный Тилем, на выстрелы подоспел Анальгин со своими людьми, взвод аэродромной охраны и Стая, пренебрегая по такому случаю исходившим от человеческого поселения зловонием. Чуть следом появился и Трактирщик. И тут уж было не до выяснения отношений. Оглядев «поле боя», хозяин заведения наткнулся взглядом на стоявшего за спиной у Лешаги Нуралиева.

– Комендант, выполняйте свои обязанности! – хмуро скомандовал он. – Окажите раненому помощь, уберите труп и... – он кивнул на Лешагу.

Вот тогда лейтенант первый раз отвел глаза. Встал перед Светлым Рыцарем, уткнулся взглядом в землю и проговорил, будто слова меж ребер застряли:

– Приказываю сдать оружие. Вы арестованы.

* * *

Эдвард Ноллан IV распахнул дверь офицерского кубрика:

– Джуниор, а ну, подъем! Напяль форму на свою тощую задницу и бегом на мостик!

– У меня отбой был два часа назад! Ты сдурел, Ноллан?!

– Ты сам сдурел, если так разговариваешь с командиром своего корабля!

Из-под одеяла показался нос, затем узкие щелочки заспанных глаз.

– Не понял, а что с Хешем и Бортниковым?!

– Джуниор, ты больше не служишь на танкере. А потому, слушай мою команду: нечего валяться на чужой койке, впрыгивай в штаны и бегом на мостик за назначением!

Из-под одеяла высунулась рука, протерла глаза, и те приобрели условно осмысленное выражение:

– Эд, ты это сейчас о чем?

– Первый лейтенант Тадеуш Сикорский-младший! Официально тебе заявляю, что у нас есть свой корабль, и ты на нем – старший помощник и мой штурман.

– Одуреть! – главный ловелас курса потрянул золотистой гривой и, подкрутив шляхетский ус, разом уселся на койке. – Я проспал какой-то праздник? У тебя по второму кругу наступило совершеннолетие? – Он потянулся за формой. – Папаша Ноллан подарил сынуле личную яхту, и мы сможем катать девчонок по орбите?

– Давай, пошевеливайся, обо всем узнаешь. Бортников уже ждет.

– А почему старпом? Где капитан?

– Уехал в штаб ругаться. Мол, у него перед самым рывком к Сатурну забирают двух офицеров.

– То есть может статься, что девчонок будет выгуливать кто-то другой?! – штурман нахмурился. – Кстати, матка боска ченстоховска, я точно помню, что клал второй носок в ботинок. Куда он мог деться?

– Не важно! Надень новые. В конце концов, такое событие нужно отметить!

– Какое там не важно?! Я знаю, это Бейли нацепил! Мстительный хорек постоянно таскает мои вещи! Он все не может успокоиться после того, как на втором курсе обнаружил свою Лорелею в моей спальне.

– Тэд, когда мы будем нестись в открытом космосе, между вахтами ты сможешь предъявить мне весь свой донжуанский список, а то я последнее время путаюсь в именах! – рассмеялся потомок спасителя человечества. – По-моему, Лорелея была не с Бейли...

– Что ты такое несешь! Я скорее Большую Медведицу приму за Малую, чем перепутаю своих прекрасных дам!

– Ладно, посмеялись и хватит. Давай, пошевеливайся. Нам следует все оформить, – заторопил друга Ноллан, – покуда старый ворчун Хешем не притащил из штаба свою разъяренную морду.

– Но я не могу без носка...

– Возьми из моего рундука! Потом, когда вернемся, у тебя будут тысячи носков, ты сможешь делать из них гирлянды и требовать от Санты, чтобы на Рождество он совал подарок в каждый из них! – фыркнул новоявленный капитан.

– Ага, тысячи и один. Эд, с этим назначением ты просто одурел! Ни у кого не может быть тысячи носков.

– У тебя будет! А пока что, Тадеуш Сикорский-младший, у нас есть шлюп «Джеймс Хоукинс» класса скаут-лидер с полным фаршем для броска и подписанные моим отцом назначения!

– Назначения – это прекрасно, – младший штурман межпланетного танкера «Адмирал Бенбоу» открыл рундук закадычного друга и поморщился. – Скажи, твоя семейка помешалась на вензелях? Кому из твоих предков в голову пришла мысль украшать носки монограммой, да еще под баронской короной?

– А что тебе не нравится в этом титуле? – тут же вскинулся оскорбленный в лучших чувствах командир. – Между прочим, королева Англии пожаловала баронство моему предку за миллиардное ассигнование на развитие исследований в области выживания человека в неблагоприятных экологических условиях. Если бы не они, Эндимион-Сити просто бы не существовал!

– По-твоему, это повод украшать монограммой носки? – скептически хмыкнул потомок древнего мазовецкого рыцарства.

– Посмотрим, чем ты будешь украшать свои одежды, когда мы вернемся.

Джуниор насторожился, будто размышляя, застегивать штаны или воздержаться.

– Мы идем за пределы Солнечной системы?

– Пальцем в небо! – радостно воскликнул барон Эдвард Ноллан IV. – Мы возвращаемся на Землю!

* * *

Шум зрителей стих. После такой-то угрозы.

– Отделение, ко мне! – скомандовал Нуралиев. Одиннадцать бойцов, для пущего эффекта чеканя шаг, прошли через весь зал и выстроились по обе стороны от коменданта, всем своим видом показывая готовность исполнить приказ.

– Ты посмотри, каков! – Марат недовольно приподнял уголки губ, недвусмысленно обнажая клыки. – А я его за человека считал!

– Тише! – Лилия ухватила друга за руку. – Они выгонят.

– Кого? Меня? Да я же спас этот вонючий гадюшник! – на весь зал шипел расшвирипевший драконид.

Сидевшие рядом зрители и участники процесса недовольно поморщились.

– Тише, Марат, пожалуйста, тише! – взмолилась девушка. – Пусть Библиотекарь договорит.

Старик между тем продолжал:

– Возможно, и скорее всего, Усач тоже не желал смерти Лешаги. Этого мы уже никогда не узнаем. Однако множество свидетелей подтвердят, что оружие находилось именно в его руке. Разве не так?

– Так, – закивали сидевшие у барной стойки очевидцы.

– Там же оно находилось и после гибели стража.

– Но это Лешага повернул стволы! – в который раз взвился Рустам. – Я сам видел! Своими глазами!

– Никто с этим не спорит, – кивнул Хранитель Знаний. – Однако не Леха нажал на спусковые крючки. И, будем говорить прямо, отвел злополучные стволы он в тот самый момент, когда Усач хотел убить одного из бойцов отряда подсудимого.

– Бойца?! Он хотел убить жалкого пса!

Вновь звякнул кассовый аппарат.

– Последний раз предупреждаю: немедленно прекратите крики с места!

– Этот «жалкий пес» участвовал в защите Трактира, и потому с полным основанием может считаться бойцом, не меньше, чем вы или, скажем, Марат.

Рустам с досадой лязгнул кинжалом, вгоняя его в ножны.

– Таким образом, можем сказать, что Лешага вовсе не убивал Усача. Он лишь защищал своего воина. А Усач застрелился сам, увы, по нелепой случайности. По воле слепого провидения, которое мы не можем привлечь к ответу при всем нашем желании.

Если же смотреть на вещи более глубоко, то следует приобщить к рассмотрению тяжелого происшествия также действия находящегося здесь лейтенанта Нуралиева, ставшие причиной конфликта.

Рустам бросил на блюстителя порядка взгляд, полный ненависти.

– Ты грязный шакал! Я тебе этого до смерти не забуду. Когда-нибудь мы еще встретимся в Диком Поле.

– Действия шерифа не противоречили закону, принятому в Трактире, и моим приказам, – холодно вставил хозяин заведения.

– Но все же – разбираться и предъявлять счет за пролитую кровь пришли к Лешаге, а не сюда.

– Это печальное недоразумение.

– Если так, – не замедлил с ответом Библиотекарь, – то печальное недоразумение должно трактоваться в пользу обвиняемого. Таковы нормы права.

– Этого права больше нет. Тот День похоронил его. Здесь все решат присяжные, – отрезал недовольный Трактирщик. – И пусть восторжествует справедливость!

* * *

За тусклыми иллюминаторами винты самолета монотонно лопатили морозный воздух. Седой Ворон, не отрываясь, смотрел на горы. Они темнели за толстым пыльным стеклом, закрывая горизонт, так что солнце восходило над их нерезкими в дымке вершинами совсем не на рассвете. Оно неспешно взбиралось в зенит, дело шло к полудню.

Сегодня ему вспоминались совсем другие горы, очень далекие отсюда.

– О чем думаешь, Ирбис? – спросил он.

Его напарник, прильнув к иллюминатору, рассматривал высокие, под небо, скальные гряды. Такие близкие, что казалось, с крыла самолета их можно достать рукой. Лайнер был небольшой, местной авиакомпания. На борту, не считая экипажа, два десятка пассажиров. Какие-то тюки, увязанные в латаную рогожу, клетки с птицей. Еще полтора часа лета, затем короткий отдых и последний рывок в Поднебесную. А там – Шаолинь, цель путешествия.

Ирбис повернулся к напарнику.

– Все не могу отделаться от мысли, что нужно было купить самолет, а не париться в этой летучей барже времен покорения вавилонского царства.

– Купить – не велика проблема. Но с оформлением разрешения на пролет мы бы возились уж точно до конца света. И в прошлые годы получить бумаги была морока, а сейчас, так и подавно. Ну а без разрешения нас бы с тобой сшибли, как только наша птичка отобразилась бы на локаторах ближайших сил противовоздушной обороны. Сам знаешь, обстановка предвоенная. Суверенные государства одно за другим закрывают воздушное пространство. Как Эд Ноллан предсказал, к тому и идет. Дай бог, чтобы так успели проскочить.

Ирбис чуть заметно дернул плечом. Ворон напрягся. Эти несколько месяцев они практически не разлучались, Эдвард Ноллан требовал, чтобы разведчики каждого звена были идеально психологически совместимы и понимали друг друга с полуслова, и вот сейчас он чувствовал, что напарнику отчего-то не по себе. То, что Ирбис ощущал близкую опасность, как сам он утверждал, кончиками бровей, Ворону было известно, но куда от нее деваться на борту самолета, тем более летящего меж гор?

– Отчего-то вспомнились термитники, – наконец прервал молчание бывший инструктор Форта Брегг.

– Вот ведь, – Седой Ворон покачал головой.

– Понимаешь, – Ирбис пустился в объяснения, – термиты всю свою жизнь только и заняты тем, что жрут и строят, жрут и строят. В результате получается нечто кривое, страшное

и никому, кроме самих термитов, не нужно. Вот и люди так же. Если вдуматься, вся цивилизация похожа на такой термитник. Вот сейчас гляжу на горы – что-то у них есть общее с теми, как бы так выразиться, строениями.

– Но их никто не строил.

– Как сказать... Многие по сию пору утверждают, что их создал Бог: зачем, для чего – другой вопрос, но как-то получается, что все достижения человека на пути, который он именует «путем творения», по сути, такая же бессмыслица, как это глобальное тектоническое образование.

Седой Ворон пожал плечами:

– Красиво.

– Пожалуй. Но бессмысленно, если рассматривать, как объект творения.

– Странно это слышать от тебя. Ведь ты едва ли не все восьмидесятичники облазил.

– Да. Хотел понять, что ж в этих горах такого захватывающего? В чем суть? Чувствовать – чувствовал, а вот понять – не получалось! Что-то постоянно ускользает. А без этого «чего-то» – снег да камень...

Самолет резко качнуло, и он пополз вверх, карабкаясь по восходящему потоку. Из репродуктора послышался шипящий в динамике голос стюарда: «Мы входим в зону кавитации, просьба всем пристегнуть ремни. Сохраняйте спокойствие».

Последние слова звучали почти мольбой. Самолет начало трясти, будто он катил по кочкам, щедро натканным в бескрайнем небе. Местные жители, едва ли не в первый раз оказавшиеся на борту летательного аппарата, наперебой стали взывать к милости Творца и всех местных богов, умоляя их подставить ладони под крылья и спасти правоверных от гибели. Ирбис вдруг прервал речь и резко оглянулся через плечо.

– Опасность?

– Да. Где-то очень близко. – Напарник снова оглянулся. – Вот эти куры. Тут что-то не так.

Ворон, стараясь не привлекать внимания, вытащил из кармана полированный до зеркального блеска стальной портсигар. Табака в нем не водилось отродясь, просто идеальный герметичный контейнер для множества полезных мелочей, ну а заодно и зеркало, и дополнительная защита около сердца.

В серебристой глади, чуть искажаясь, отражались стоявшие в хвостовой части салона бамбуковые клетки с птицами – обычные куры, впрочем, не совсем обычные, морозоустойчивая порода.

Люди возле клеток, вот они, пожалуй, здесь не к месту. Хмурые бородачи с недобрым взглядом. У таких автомат в руках смотрится куда уместнее, чем курица. Ну, да ладно, внешность бывает обманчива, а птицы, во всяком случае, пока, хоть и взбудоражены перелетом, не проявляют никакого беспокойства.

Голос в репродукторе опять зашуршал, прорываясь сквозь волны электромагнитного шторма:

«Просим вас не отстегивать ремни безопасности и оставаться на местах, скоро мы начнем снижение».

Эти слова были заглушены громким, недовольным квохтаньем. Морозоустойчивая курица, судорожно хлопая крыльями, перелетела через весь салон. За ней другая. Пристегнутые к креслам пассажиры возмущенно загомонили. Перепуганные несушки суматошно шаркались из стороны в сторону, обильно удобряя раздраженную публику свежим пометом. Кто-то не выдержал и вскочил, требуя навести порядок. Дверь пилотской кабины распахнулась.

– Вот этого делать было нельзя, – пробормотал Ирбис.

В тот же миг появившийся в салоне мужчина в форме летного состава «Пан-Ориентал», держась за грудь, съехал по стене.

– Стрелка, – пробормотал Седой Ворон.

Из груди убитого торчало тонкое стилетообразное жало.

Напарник чуть сполз и глянул в промежутки между креслами. Один из бородачей стоял, направив на пилотскую кабину короткую бамбуковую палку – часть решетки мобильного птичника.

– Шелестящая смерть, – констатировал разведчик. – Интересно, что у них в трубках вместо металлических пружин?

Ирбису это было неинтересно, он прикидывал, на сколько решетин клетка. Выходило, что на экипаж и пассажиров хватит с лихвой.

– Ведите себя тихо, и никто не пострадает! – нервно, точно не веря собственному заявлению, выкрикнул стрелявший. Затем повернулся к ждущим приказа бородачам. – Вперед, за штурвал. Меняем курс!

– Тебе ничего не кажется странным? – чуть слышно проговорил бывший офицер зеленых беретов.

– Кажется. Если это какая-то местная террористическая группировка, то непонятно, кому они собираются предъявлять требования. Здесь всего два иностранца, да и то, по документам – не пойми кто. Ни в Европе, ни в Америке по этому поводу и не почешутся. А уж с местными властями и вовсе говорить бессмысленно. Живы – хвала Аллаху. Мертвы – на все воля Аллаха.

– Может, им нужен самолет?! Скажем, начинить его взрывчаткой или перевозить что-нибудь.

Седой Ворон покачал головой:

– Вряд ли.

Ему вспомнилась полетная карта. Он и видел-то ее мельком, но этого было достаточно, чтобы запомнить намертво.

– Смотри. Здесь мы выпадаем из поля зрения радаров. Через три минуты полета самолет должен был войти в зону действия станций, чтобы те вели его дальше. Если не появимся, будет объявлена тревога, начнутся поиски. Учитывая, что здесь все делается ни шатко ни валко, спасательные вертолеты появятся в этом квадрате не раньше завтрашнего утра. В сумерки поднимать вертушки не станут, максимум – дадут знать в местные селения. Но таковых в здешних скалах, почитай, и нет, так, пастушья стойбища. С другой стороны, и место для посадки нашему «лайнеру» нужно специальное. А таких в горах немного. Не думаю, чтобы они собирались протаранить здешний кряж.

– Будем отбивать самолет? – Напарник чуть заметно отстегнул пояс безопасности и, стянув измятую салфетку с подголовника, начал скручивать ее в жгут. – До курицы дотянешься?

Седой Ворон поглядел на птицу, опустившуюся впереди на спинку кресла.

– Легко.

– На раз-два-три.

Спустя три секунды обстановка в салоне резко обострилась.

Схватив несчастную птицу, Седой Ворон вскочил и бросился с нею на террориста, отчаянно вопя: «Иншалла!» Стрелок вскинул руку, и черный дротик вонзился в белое оперение. В тот же миг разведчик крутанул противника за запястье, выворачивая оружие, и, развернувшись на месте, направил оторопевшего угонщика «в объятия» инструктора Форты Брегг. Еще мгновение – напарник ловко набросил жгут на горло жертвы, провернул, раздался хрип и хруст ломаемых шейных позвонков, а следом короткий выстрел. «Стюард», – падая на пол, осознал Седой Ворон. А в двух шагах от него, заливая кровью истоптанный ковер, рухнул Ирбис с простреленной головой.

– Черт! – прошептал резидент Ноллана, чувствуя, как между лопаток ему упирается стреляющая трубка. – И, похоже, враг не один.

* * *

На уставленной столиками террасе было многолюдно. Но там, где в ожидании приговора суда присяжных наворачивал круги разъяренный драконид, зрители отодвигались, не желая заступать дорогу пыщущему яростью другу Лешаги. Пожалуй, теперь ни один из торговцев живым товаром не решился бы сунуть ему палец в рот, проверяя крепость и остроту клыков.

– Мы должны отомстить! – топорща чешую и лязгая зубами, шипел он. – Враг должен быть повержен.

Марат слабо представлял, что означает «повержен», но его мозг, заполненный беспорядочными обрывками прочитанных книг, живо подкидывал картины мести, одна слаще другой.

– погоди, – упрасивала его Лилия, которой мечущийся юнец действовал на нервы. Ей и самой было до одури страшно за любимого, за себя, да и за весь отряд, а бестолковая ярость юнца лишь бредила предчувствие неотвратимой беды. От этого сводило челюсти, а язык присыхал к небу. Очень хотелось плакать, но... Лилия украдкой оглянулась, ловя на себе множество заинтересованных взглядов. Нельзя.

– Может, все еще обойдется, – сказала она нарочито громко и спокойно. – Ведь даже Трактирщик признал, что это несчастный случай. Если бы Усач утонул, разве стали бы винить реку?

Народ на террасе загомонил, кто одобрительно, кто возмущенно. Наконец, двери старого Трактира распахнулись, и на пороге, нервно поправляя ремень портупеи, возник лейтенант Нуралиев. Он был вовсе не в восторге от новой роли.

– Суд постановил, – срывающимся голосом выкрикнул офицер, – у Лешаги не было злого умысла, и смерть Усача наступила вследствие несчастного случая!..

– Вот видишь! – крепко хватая за руку Марата, воскликнула Лил. – Я же говорила!

– Но кровь была пролита, – нехотя продолжал комендант, опустив глаза, – и Лешага причастен к этому. В силу чего он подлежит изгнанию из Трактира до следующего заката, без права когда-либо вновь появляться здесь. Ему сохраняется все имущество, и награда за его голову не будет объявлена.

– Я сам дам награду за его голову, – раздался звучный голос Рустама. – А за тебя, падаль, я награду дам за каждую часть отдельно.

Новоявленный шериф сделал вид, что не слышит выкриков стража, и продолжал, все так же глядя в пространство:

– Преследование Лешаги организовано не будет. Но всякий, кто пойдет с ним, станет здесь считаться несогласным с решением суда, не признающим его справедливость, а значит – изгнанным из Трактира на тех же условиях.

– Да пропади вы все пропадом! – взвился Марат. – Да если бы не мы с Лешагой, кто из вас был бы жив сегодня?!

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, – быстро закончил лейтенант.

– Марат! – громко произнесла Лилия. – Времени мало. Пошли собираться.

– Э, куда пошли?! Я с вами, – закидывая автомат за спину, вскочил с места Заурбек.

– Куда?! – процедил Рустам.

– Куда ноги принесут, там буду. А только не здесь. Здесь падалью воняет!

Глава 4

Эргез ловко запрыгнул на коня, поднял его на дыбы и дал шенкеля по крутым бокам. Четверо гвардейцев Пророка, дождавшись, пока наместник скроется из виду, немедленно вскочили в седла и последовали за ним. Халиф терпеть не мог во время одиноких прогулок замечать подле себя недреманную стражу. Кто бы посмел заступить ему дорогу?! Кто бы решился напоить кровью его Шамшир, блистающий, словно взгляд неумолимой смерти? Но приказ не обсуждается, а приказ гласил: не упускать наместника из виду.

Сейчас ему было не до телохранителей. Смерть брата кровотокающей раной терзала душу, требуя отмщения. Эргезу припомнился тот воистину судьбоносный миг, когда там, на горном плато, они с Ильшахом увидели Пророка. Тот восседал на огромном белом жеребце. Одежда его тускло серебрилась в лучах закатного солнца. Он сбросил шлем на руки оруженосцу, и народ в мгновение ока преклонил колени: тысячи и тысячи спасенных им в Тот День подростков, иногда – совсем детей. Эргез помнил, будто это было вчера, точно и не минули с тех пор долгие, наполненные огнем и кровью годы.

Аттила поднялся в стременах и простер руку над своим народом, и в наступившей тишине было слышно, как где-то на дальних кручах перепрыгивают со скалы на скалу горные козлы.

– Настал день открыть вам истину! – возгласил Пророк, обводя слушателей все понимающим мудрым взором темных, словно безлунная ночь, глаз. – Все вы – дети тех, кто оплакал близких, пережил боль утрат и радость спасения. Но кто из вас знает, отчего Создатель мира низверг человечество в Бездну, как некогда поступил с воинством мятежных ангелов? Чего ждет он от тех, кого в несказанной милости сберег для иной доли?

Я поведаю вам о том. Долго терпел Предвечный надругательство над миром, им созданным, сожалея о людях, как о заблудших овцах.

И до меня Он посылал им Пророков, несущих Слово Его.

Он даровал заветы Моисею, однако народ позабыл о них, едва миновала опасность. В благодарность за избавление они заменили Дух мертвой буквой. Они сказали: лишь мы – любимые сыны божьи, лишь с нами верен завет его. Все же прочие – лишь прах в его глазах, и что нам за дело до них? Рассуждая так, народ, возомнивший себя избранным, позабыв о Боге, упился величием пустых слов.

Тогда Он прислал Иисуса – Пророка своего, и люди распяли его, не желая слушать. Те же, кто услышал, позабыв о сути, наперебой твердили, что они первейшие из учеников и, стало быть, должны править миром от имени того, кто омывал ноги усталому путнику.

Тогда Господь разгневался, но все же, в величайшей милости своей, он снова открыл путь Истины человеку по имени Магомет. Но кроме Слова, рожденного Богом, Он даровал ему саблю, чтобы карать дерзнувших попать дар Творца Небесного. Но, как бы ни преуспел Магомет, все же и его старания были тщетны.

Мир погряз в грехе, он погружался в пучину его так, что и макушки уже не было видно. И грянул тогда Гнев Отца Нашего, и наступил Тот День. Но предтечей этого страшного часа было явление на земле Растлителя Душ, Врага рода человеческого, Прародителя Лжи и Змея Бездны, воплотившегося в человеческом облике – Эдварда Ноллана!

Коленопреклоненная толпа яростно взывала, готовая растерзать виновника всех бед человечества. Эргез в первый миг даже испуганно глянул на брата. Ему никогда прежде не доводилось слышать такого громогласного рева и видеть столько рук, грозящих восходящей луне. Конечно, он в свои семь невеликих годков знал, что злодей Ноллан обрек Землю на гибель, и теперь из своего Темного Чертога на Луне с радостью взирает на дело рук своих, наслаждаясь страданиями выживших. Но лишь теперь, оказавшись в самой гуще своего народа, Эргез

ощутил сполна, как сжигает сердце испепеляющая ненависть, как требует она взять оружие в руки, чтобы покарать чудовище бездны – Прародителя Лжи.

Халиф легонько тронул удила, сдерживая скакуна. Сабля на боку позвякивала в такт конскому шагу, напоминая о высоком долге наместника правоверных. Эрgez чувствовал: где-то совсем близко притаились «несокрушимые» в черных сферах-шлемах, но сейчас ему было не до них.

Он вспоминал, как тогда, глядя на гигантского воина в отливающих серебром одеяниях, принял непреложное решение, что всегда будет с ним, что бы ни случилось впредь. Он всегда будет первейшим из первых, даже если придется сложить голову и отдать кровь по капле.

Избранник Пророка тяжело вздохнул. Перед внутренним взором возник образ младшего брата, которому он тогда сказал:

– Я пойду с ним и стану его... – тогда будущий халиф еще не знал, как он будет зваться, став наместником великого Агтилы, но ему было откуда-то известно, какое будущее ему предначертано.

А голос Владыки Правоверных в тот час звучал все громче:

– Всевышний разгневался на погрязших в грехе, на кичливых и неразумных тварей своих. Но гнев его сродни милости, ибо он очистил землю от скверны, оставив лишь истинно верных и тех, в чьих душах увидел искру божьего дыхания. Искру, которую не променяли заблудшие на пустой блеск обманных богатств Ноллана, эту чечевичную похлебку, вызывающую смертельную изжогу.

Господь призвал меня на Крышу Мира и сказал: «Иди, я даю твоему народу веру и оружие, – Агтила рывком выхватил из ножен отточенный клинок. – Неси слово мое тем, кого я сберег для тебя. Но если станут упорствовать они, если скверна, подобно ядовитой змее, свила гнездо в их душах, выжги отраву чистым пламенем.

Тогда очищенные им снова вернутся сюда, чтобы вновь пройти испытание и обрести надежду. Тем же, кто уверует, я уготовил новый мир, мир истины и покоя, куда все они придут в свой черед, попрощавшись с земной долей».

И он сказал мне, распростертому ниц пред его величием: «Я покажу тебе это место, чтобы ты смог поведать о нем». И я узрел! И ныне вы увидите то, что сохранила моя память.

Слуги Пророка споро установили два огромных копыя, между которыми было развешено белое полотнище. Эрgez и представить себе не мог, что существуют такие большие куски ткани. Из него можно было сшить три сотни плащей, а может, и больше! Затем они разбили в отдалении от копий шатер с небольшим окошком, и оно осветилось небывало ярким светом, как будто кусочек солнца был упрятан в том шатре.

Тогда белое полотнище вдруг ожило. На нем плескалась вода, много воды, нежный песок был теплым, так что люди бегали по нему почти голышом. Здесь, даже в самые ясные летние дни, никто не решился бы на такое. Холодный ветер то и дело срывался со склонов гор, даже сейчас он выгибал натянутую меж копыями ткань, на которой оживал, переливался яркими красками мир, обещанный Господом своему народу. Будущий халиф, затаив дыхание, смотрел на странные деревья с длинными голыми стволами и листьями у самой верхушки, неправдоподобно огромными. На деревьях росли плоды величиной с голову. Они падали, разбивались, и люди пили из них, радуясь так, что у мальчишки зануло сердце. Он готов был отдать все, чтобы оказаться там, в этом светлом и прекрасном месте.

– Я буду с ним, – прошептал он. – Я буду рядом всегда!

Брат, расслышав этот шепот, прижался доверчиво и спросил:

– Ты возьмешь меня с собой?

И вот он мертв.

Наместник знал, что сейчас брат там, на берегу бескрайней синей воды, залитой солнцем, бегаёт по теплому песку в окружении красавиц, каких нет на Земле. В то же время он с болью в сердце чувствовал, как ему не хватает Ильшаха.

Когда-то Аттила сказал Эргезу: «Что толку скорбеть о мертвых. Тем, кто уверовал, – хорошо. Те же, кто погряз в своих заблуждениях, обретут последний шанс на спасение. Если ты скорбишь о потере, то это лишь твоя боль. Но эта боль – наущение врага рода человеческого, ибо в этот миг ты чувствуешь себя одиноким, а искренне верующий никогда не одинок, ибо он в Боге, а Бог всегда с ним. Не радуй Ноллана своей никчемной скорбью».

Конь, чувствуя настроение хозяина, остановился.

– Я радуюсь, – прошептал халиф. – Я радуюсь, и боль моя лишь пыль на ветру!

Он вдруг почувствовал, что не верит сам себе, и до крови прикусил губу.

В дальних кустах послышался какой-то шорох. Эргез насторожился, выдергивая из кобуры увесистый короткоствол, но воины в черных шлемах уже мчались на шум.

– Нет-нет, не убивайте, я и не думал стрелять, – послышалось из зарослей. – Мы не желаем ничего плохого. Я верю в Пророка Аттилу, истинного и судьбоносного. Имя мое – Исмаил...

* * *

Старый Бирюк лежал, затаившись меж камней, и старался не думать. Прятаться было делом привычным, но сейчас такая предосторожность казалась тщетной. Что толку загораживаться камнями от того, кто видит, не глядя, кто читает мысли, стоит им лишь объявиться в голове? Не думать совсем.

Не получалось.

Бирюк попытался спрятать беспокойное сознание в пустенькой головке щебечущей птички, та даже не потрудилась вспорхнуть, когда его преследователь скользнул мимо, просто не почувствовала чужого присутствия, зато Старый Бирюк увидел глазами крылатой певуны широкую спину, то и дело мелькающую меж кустов подлеска.

«Да, годы все еще не властны над ним, – оставляя сознание пичуги, отметил ученик Седого Ворона. – Но что-то не так, что-то изменилось».

Его не покидало гнетущее ощущение близкой опасности. Неужели снова уходить? Казалось, все уже позади, ан нет. На этот раз, похоже, скрыться не получится. Такой вот выход из-за печки. Теперь-то уж придется встретиться нос к носу. Поднимется ли рука выстрелить?

Он припомнил, сколько раз говорил Лехе и Михе: «У врага нет лица, есть только личина, и, как бы она ни выглядела, она всегда обман». Теперь в этом следовало убедить себя. Бирюк еще раз повторил мучительный, как заноза, вопрос: «Поднимется ли рука? Смогу ли нажать на спуск?»

В этот миг сознание его точно окатили кипятком.

«Все, заметил, – констатировал воин. – Теперь уже не уйти. Если так, то можно попробовать занять самую удобную позицию для встречи».

Куда там! Преследователь остановился, точно прислушиваясь, и стал по широкой дуге обходить тайное убежище бывшего друга, стараясь прижать его к изгороди селения – прием нехитрый, но вполне действенный. Как бы там ни было, а подставлять под удар толпу простодушных нонкомбатантов, так Седой Ворон называл всех, неспособных держать в руках оружие, не пристало. Он припомнил бессмысленную песенку, слышанную в глубоком детстве:

А у жирафа шея длинная,
А у жирафа шея длинная,
Он не умеет обнимать.

А мы ему по морде чайником...

Наставник рекомендовал ее в качестве защиты от таких вот экстрасенсов. Конечно, опытного преследователя этот нехитрый прием с толку не собьет, но хоть позволит скрыть намерения в случае, если на них хватит сил. Старый Бирюк двинулся сквозь заросли, стараясь встроиться в горячий еще след.

«Покрутимся маленько. Если ситуация не в твою пользу – меняй ситуацию. Где-нибудь противник да проколется. И тут главное – быть наготове».

Он чувствовал, как сознание охотника пытается завладеть его мозгом, давит, точно железные скобы втыкает в черепную коробку. Еще один куплет:

У павиана морда синяя,
У павиана морда синяя,
Он не умеет целовать.
А мы ему по морде чайником...

Давление все усиливалось, голова, казалось, вот-вот треснет, но Бирюк почувствовал, что и противник устает. От боли, сдавившей череп, будто железным кольцом, глаза уже лезли на лоб, но ученик Седого Ворона продолжал шептать про себя дурацкую песенку, точно заклинание, способное рассеять металл.

«Он выдыхается. Еще немного...» – сполохом мелькнула спасительная мысль, и в этот миг преследователь остановился.

Из ворот селения вышла небольшая группа людей. Кажется, они что-то затевали, поскольку преследователь обрадовался и двинулся им навстречу.

Бирюк знал, что того всегда развлекала готовность незадачливых охотников за живым товаром добыть себе редкий трофей. Желających украсить стену его головой было немало, в прежние времена он не отказывал никому. Похоже, и сейчас не изменил привычке.

Точно позабыв о цели, ловец резко повернулся и быстрым деловитым шагом отправился навстречу обреченным, считающим себя хищниками.

Старый Бирюк почувствовал, как спадает напряжение, взламывающее череп. Самое время атаковать. Или скрыться... Ему вдруг припомнилась лесная опушка, густо, точно грибами после дождя, усеянная ошметками человеческих тел, принадлежавших тем, кто некогда пошел с ним в стремлении держаться подальше от Барьера Ужаса.

В прежние годы видение преследовало его почти неотступно, потом как-то прошло, а сейчас вот снова...

Да, тогда за ним гнался другой Охотник, но он и в подметки не годился сегодняшнему гостю. А значит, будет новая опушка и новые ошметки. Гложет один лишь вопрос: ограничится ли Он только глупцами, решившими выйти за ворота? Или, опьяненный кровью, войдет в селение?

Воин досадливо поморщился. Вот же принесла нелегкая! Он вдруг застыл, осознав простую, в сущности, мысль: если преследователь решил дать ему передышку, то, стало быть, почувствовал чужую агрессию. Селяне добродушны и пугливы, без особой необходимости за ворота носа не кажут. Что же тогда? Ему вспомнился учитель, ликовавший совсем недавно из-за Лешагиной победы.

«Вот оно что! Он увидел, как я покинул селение, и решил, что я в опасности. Ну и позвал мужиков на подмогу. Это они меня спасать потащились, храбрецы!» – досадливо скривился он.

– Проклятие, – сквозь зубы процедил Старый Бирюк, поудобнее ухватывая автомат.

* * *

Лешага обвел глазами «друзей» – это слово давалось ему с трудом, зато его ужасно любил Марат, твердя, что теперь-то уж они точно друзья, не разлей вода. Как же иначе назвать их всех?

Раньше было проще: есть Миха, а все остальные – знакомые, приятели или так, «когда-то вместе нитки тянули». Теперь вот, на тебе! Анальгин с его отрядом, Тиль... С этим-то все как раз понятно, он лишь хмыкнул, услышав приговор. Ему закон – не закон – «Герой отправляется в изгнание, неужели я упущу случай!».

А вот то, что с ним пойдет Заурбек, для Лехи полная неожиданность. Ну да что там, боец он хороший, прежде ходить с ним доводилось не раз, такой пригодится. И, конечно, за Лилию ему спасибо, быстро сообразил...

Черный ткнулся мокрым носом в ладонь бывшему стражу и попытался сунуть голову ему в пятерню. Посмотрел на жоака так, будто чувствовал свою вину, да не мог высказать, и теперь хотел понять: сильно ли злится Лешага? Тот потрепал мохнатый загривок.

– Все хорошо.

Однако это была неправда, и пес, почуяв настроение хозяина, тоскливо заскулил, как не скулил с позабытых щенячьих лет.

Ученик Старого Бирюка еще раз погладил верного пса, бросил взгляд на стоявшего чуть в стороне брата Каноника с жалкими остатками гарнизона подземной обители. У тех имелся приказ следовать за Лешагой, желали они того, или нет, и они готовы были выполнить свой долг.

Ну и, конечно, Лил. Девушка, не отводя взгляда, смотрела на избранника с той минуты, как он вернулся после окончания судилища.

– У нас есть день, чтобы уйти отсюда, – не ведая, с чего начать, хрипло напомнил Леха. Ему было чертовски досадно. Он так и не смог толком поговорить с Библиотекарем, не узнал ни о Базе, ни о проклятом Барьере, ни о Шаолине. Вернее, о Шаолине узнал слишком мало. И вот теперь он и все, кто пойдут за ним – прокляты. Даже говорить с ним, встретившись в Диком Поле – и то опасно. Неизвестно, как посмотрят, ежели узнают.

Теперь-то куда? Где еще узнать о том, о чем никто, возможно, в целом свете рассказать не может? И что нынче со всеми этими делать?

– Лешага! – не выдержав долгого тягостного молчания, заговорил Марат. – Я знаю, что мы сделаем. Мы вернемся в Монастырь и объявим там новую столицу!

– Как это?

Чешуйчатый задумался, вспоминая.

– Стольный град!

– Град – это куски льда, падающие с неба, – в голове Лехи возникла картина из глубокого детства: деревянный стол возле их лачуги, и бьющие по нему увесистые ледяные кулачки. Опять драконид нес какую-то околесицу. Ничего особенного в этом граде нет, если макушку под него не подставлять.

– Нет, не такой! К нам все придут, как в Трактир, и нас будет больше, чем их.

Ученик Старого Бирюка молча пожал плечами. Ему вовсе не хотелось шумного многолюдства. Да и зачем, когда уже есть один Трактир, создавать другой? Но Бунк Сохатого не стоит сбрасывать со счетов. Такая база может пригодиться.

– Нет, – он покачал головой, – по-другому.

– А как? – удивился драконид, не понимая, почему наставник пренебрег его гениальным замыслом.

– Ты направишься к Декану.

Глаза юнца радостно блеснули, но лишь в первый миг, и он спросил настороженно, чуя подвох:

– Зачем?

– С тобой пойдет Лил и все, кроме смиренных братьев и стаи, – он обвел рукой свое «воинство». – Там вы будете хоть в относительной безопасности.

Люди зароптали, вовсе не радуясь перспективе оставить своего вождя и жить бок о бок с чешуйчатыми. Конечно, Марат тоже был из этих, но то Марат, а уж все остальные – наверняка злобные людоеды.

– А меня, значит, решил не спрашивать?! – возмутилась девушка.

Лешага послал ей долгий взгляд, точно пытаясь вложить в голову подруги свои мысли.

– Я могу отвести тебя к отцу... – смирясь с необходимостью говорить на столь щекотливые темы в присутствии свидетелей, выдавил он. – Но там опасно, слишком близко к Барьеру. А я направляюсь туда.

– Но ты ведь уже пробовал! – вклинился чешуйчатый. – Ничего не вышло!

– Кое-что изменилось. Ты придумал летающий навес, и мы попробуем на нем перемахнуть за Рубеж. Не может же он упираться в самое небо.

– А если упирается? – опасливо спросил ученик.

– Значит, нам не повезло.

– Но мы же погибнем! – возмутился Марат. – Мы и так едва спаслись в прошлый раз... – начал он и осекся.

– Кто знает, может быть, на тебя он так не действует, ты же у нас потомок драконов.

Ободренный этим доводом юнец расправил плечи и зыркнул по сторонам, прикидывая, все ли уразумели скрытую похвалу самого Лешаги!

– Значит, я к Декану, и обратно к Монастырю?

– Да. А я тем временем разведая, что и как. Может, после разгрома волкоглавых там и нет ничего.

– Не пойду я ни к какому Декану! Я пойду с тобой. Да Марат небось отсюда и дороги не найдет! – взъярилась Лилия.

– Э, послушай, девица-красавица, зачем не найдет? Я покажу, – вмешался Заурбек. – Я в тех местах не раз бывал, в селение не ходил, врать не буду, что там делать? Но дорогу знаю. Лешага-джан, разреши, я отряд поведу.

Светлый Рыцарь на мгновение замолчал, что-то прикидывая. Он редко думал о людях хорошо, даже о давних знакомых. Жить с этим неприятно, но выживать получается значительно лучше. Леха вспомнил беднягу Цезаря и дернул щекой. О Зауре ему ничего плохого известно не было. Пожалуй, лишь одно: слишком быстро оставил Рустама и перешел к нему. С другой стороны, чуть помедли горец, и, возможно, не стояли бы здесь все эти люди, не ломали голову, что делать.

– Хорошо, – кивнул ученик Старого Бирюка. – Ты поведешь, Марат с вами, без него к Декану лучше не соваться.

– Я не хочу! – вновь попыталась возмутиться девушка.

– Так надо, – сказал, как отрезал.

– Лешага, – окликнул Анальгин, – глянь-ка, лейтенант идет. Да не сам, а с эскортом!

Глава 5

Резидент Ноллана помнил события тех часов во всех деталях и подробностях, точно сумасшедший день только-только закончился и выдохшиеся сутки на последнем ударе часов с усталым вздохом перевалили за полночь.

– Делайте свое дело! – прикрикнул тогда стюард. – Что застряли в дверях!

Седой Ворон повернул голову так, чтобы видеть двери пилотской кабины.

– А ну, не дергайся! – слышалось сверху.

Он и не дергался, просто смотрел на тех двоих, кого незадачливый стрелок послал управлять самолетом. Бедолаги стояли, испуганно поднимая руки, не проявляя особого желания вмешаться в опасные игры. Не слишком они напоминали готовых к смерти фанатичных угонщиков-террористов. Разведчик досадливо прикрыл глаза и уткнулся носом в пропыленное ковровое покрытие. Дергаться и впрямь смысла нет – не время для героизма. Он и припомнить не мог, когда еще было так тошно. Это ж надо так глупо попасться. Вот тебе и подготовка, и хваленое чутье. Сработали не лучше, чем какие-нибудь brave морпехи из охраны посольства – лихости хоть отбавляй, оперативной смекалки кот наплакал. И вот теперь Ирбис мертв, а сам он валяется на полу, не лучше половой тряпки.

– Ну, что застыли?! В кабину! – между тем командовал стюард, все больше злясь на перепуганных бородачей. – Полетная карта у тебя?

Один из «угонщиков» молча закивал, словно надеясь заслужить жизнь и свободу суматошными наклонами макушки...

– Смени штурмана. Давай, пошевеливайся! Не спи на ходу! А ты – следи, чтобы в салоне было тихо. Ну, быстро, быстро!

Спустя мгновение Седой Ворон увидел ноги стюарда, блестящие туфли, проследовавшие мимо, едва не коснувшись его щеки. Стрелок присел над Ирбисом, запустил ему руку за пазуху и вытащил медальон.

– А с этим хламом что делать?! – уточнил еще один угонщик, сопровождая недобрые слова увесистым пинком под ребра Седого Ворона.

– Храни как зеницу ока, – откликнулся главный. – Он нужен Шефу живым.

«Интересно как получается, – стиснув зубы, думал резидент Ноллана. – Какие-то невнятные любители-террористы захватывают самолет, такое случается. Но тут же оказывается, что на борту присутствует еще пара угонщиков, классом повыше. При этом им нужен я, то есть, конечно, может, и не я, а один из нас двоих. Или оба? Нет, оба не нужны. Выстрел не был случайным. Но это явно имеет отношение к планам мистера Эдварда, и только к ним. Стюарда не заинтересовали ни толстенный бумажник напарника, ни его «Роллекс», только медальон. Кто-то что-то пронюхал...»

Он вспомнил недавнюю встречу в бункере Ноллана. Неужели кто-то из тех избранных – крыса?

Мембрана динамика напряглась, выдохнула дрожащий голос: «Просьба всем пристегнуть ремни, мы начинаем аварийное снижение».

«Что еще за новости?! – мелькнуло в голове разведчика. – Где тут можно приземлиться, пусть даже аварийно?!»

Похоже, этот вопрос волновал не его одного. В салоне загомонили. Из приоткрытой двери пилотской кабины слышалась невнятная скороговорка: «Говори только на английском или пушту!»

– Мы не сможем там сесть! – переходя на ломаный английский, объявил пилот. – Это безумие.

– Можете, – заверил стюард.

– Это же площадка для легкомоторных самолетов! Мы либо врежемся в скалу, либо скапотирруем!¹ – Очевидно, близость неминуемой смерти придала командиру авиалайнера храбрости.

– Будете садиться на брюхо. Иного выбора нет.

– Но... он же развалится!

– Не сразу, приятель. Если ты все сделаешь правильно, у нас будет около минуты, чтобы покинуть этот летучий клозет. Повезет, так и больше. А взлетать вам больше не придется, – в устах террориста это звучало приговором.

– Тогда, – летчик решительно вскочил с пилотского кресла, – я отказываюсь!

– На место! – голос угонщика разом утратил ласковую интонацию. – Если ты посадишь самолет, будешь жить. А нет – его посадит этот бородач, а тебя я уже сейчас по частям начну выкидывать за борт. Все понял?

Салон винтокрылой машины погрузился в гробовую тишину. Лишь бродившие в недоумении куры выглядели довольными жизнью.

Пилот нехотя занял свое место.

– Кто верит в бога – молитесь, – послышалось из динамиков.

Не сказать, что это добавило оптимизма пассажирам, обуявший всех ужас заставил языки прилипнуть к нёбу.

«Видимо, какой-нибудь тайный аэродром, может, торговля наркотиками, оружием... – крутилось в голове разведчика. – Ничего другого в этих горах попросту нет. И, судя по карте, быть не может. На аэродроме, вероятно, ждут и тщательно готовят встречу. Иначе к чему горюдить весь этот огород с угоном самолета». Если так, его шансы не то что равны нулю, уж скорее они склоняются в сторону отрицательных величин. Смерть будет казаться самым желанным исходом.

Надо менять ситуацию, чем скорее, тем лучше».

– Джентльмены, – не отрывая головы от пола, начал Седой Ворон, – если у нас аварийная посадка, может, лучше сесть и пристегнуться?

Стюард, уже дошедший до кабины, оглянулся и смерил пленника неприязненным взглядом. По сути, тот был прав. Аварийная посадка, да еще и без шасси... Пойдет что не так, и «ценный трофей» просто будет размазан о заднюю стенку.

– Усади его, – нехотя скомандовал главарь. – И держись рядом.

Подручный вновь ткнул заложника под ребра.

– Вставай.

Тот повиновался.

– Все-все, я не делаю резких движений. Ваша взяла. – Он демонстративно поднял руки и медленно, чтобы не тревожить противника раньше времени, направился к креслу.

– Садись, – резко скомандовал провожатый. Судя по выговору, тот был далеко не англичанином.

– Да-да, конечно. – Седой Ворон опустился на потертое сиденье и потянул на себя болтающийся ремень безопасности.

– Скорее! – прикрикнул угонщик.

– О'кей, уже готов.

При этих словах его левая рука метнулась к гортани террориста, и сжатые пальцы, точно острие копья, ударили в кадык. Таким незамысловатым тычком в монастыре он вгонял пятерню в забитый мелкой галькой чан.

– Да вы тоже присаживайтесь, – любезно порекомендовал резидент Ноллана, ловя обмякшее тело и устраивая его на месте Ирбиса.

¹ [Скапотировать](#) (авиаци.) – при посадке удариться капотом, носом в землю.

Соседка через проход открыла было рот, чтобы взвизгнуть: из уголка губ террориста вытекала тонкая струйка крови.

Мастер выживания приподнял сжатый кулак и выразительно повел глазами из стороны в сторону, так что женщина поперхнулась собственным криком и закашлялась.

«Один есть, – с удовлетворением подытожил бывший послушник Шаолия. – Теперь стюард».

Он покосился на бамбуковую палку, зажатую в руке трупа. Нет, стрелялка еще может пригодиться. Да и с главарем стоит переговорить до того, как он отправится к праотцам. Мертвецы, как известно, невнятно отвечают на вопросы.

Он достал толстый журнал из кармашка переднего сиденья и начал его сворачивать в трубочку. «Вот так, туже, еще туже».

Самолет резко пошел на снижение, и многие пассажиры схватились за уши от внезапной перемены давления.

– Сэр! – окликнул Седой Ворон. – Нельзя ли потише, а то вон приятелю вашему плохо, кровь идет.

Пилот выровнял лайнер, и тот мчался над каким-то ущельем, едва не касаясь крыльями отвесных каменных скал.

– Что там еще?! – хватаясь рукой за кресла, стюард направился вдоль по салону на зов пленника. Надзиратель полулежал, обмякнув мешком, прислоненный головой к стене у иллюминатора.

– Кажется, без сознания, – любезно пояснил пленный.

– Эй! – главарь протянул руку, чтобы тряхнуть «спящего».

Два удара почти слились в один. Первый – точно дубинкой – туго свернутым журналом по запястью, выбив стрелялку, второй – торцом в центр грудной клетки. Не изо всех сил, чтоб, не дай бог, не проломить ребра, но так, чтобы дух вон. Третий удар плотной глянцевой трубой по затылку, уже вдогон падающему телу.

– Экипажу возвращаться на прежний курс, – скомандовал резидент Ноллана.

– Но, сэр, у нас не хватит горючего!..

* * *

Лейтенант Нуралиев остановился, не дойдя всего нескольких шагов до крыльца, и сделал знак сопровождающим бойцам не двигаться дальше.

– Что ему здесь надо?! – возмутилась Лилия. – У нас еще куча времени до ухода!

– Сейчас узнаю. – Лешага посмотрел на лежащий рядом автомат и кивнул Марату: – Присмотри.

– Может, лучше взять? – усомнился тот и мотнул головой в сторону оружия. – Мало ли, что они удумали? Предатели!

Леха досадливо махнул широкой пятерней и вышел навстречу недавнему боевому товарищу.

– Мы принесли вашу долю... – заметно конфузясь, начал комендант. – Здесь патроны и гранаты. – Он снял туго набитый вещмешок, сквозь материю густо выступали острые головки пуль. – Если желаете, можем отдать вам один миномет, или заменить его боеприпасами и продовольствием.

Леха кивнул. Таскаться с минометом по Дикому Полю – дело бестолковое. Здесь он больше пригодится.

Новоявленный шериф опустил глаза. Должно быть, он надеялся, что осужденный на изгнание заговорит с ним, а равнодушное молчание давило хуже всяких упреков.

– И еще, – после затянувшейся паузы пробормотал лейтенант, – мы тут с бойцами скинулись. Здесь патроны, – он приказал сопровождавшим его солдатам поставить на землю вещмешки, – и тушенка. Пригодятся. Ты прости, я не хотел, чтобы все так вышло, – почти беззвучно выговорил он.

– Никто не хотел. Так получилось. Точка. – Ученик Старого Бирюка смерил молодого офицера долгим изучающим взглядом, точно стараясь запомнить его до конца дней. Тот невольно поежился от пришедшего откуда-то чувства собственной ничтожности, однако постарался не подать виду.

– Минометы себе оставьте. Против людоежов пригодятся. Они скоро будут здесь.

– Ты уверен? – насторожился комендант.

Лешага не стал объяснять, что слышал, как схлестнувшиеся с прорвами всадники орали о каком-то Пророке. И в селении речников, да что там, и в Павловбунке они требовали принять их странную злую веру, а не просто грабили, как, скажем, раздольники. Верный знак, что явятся снова!

Те, чья душа высушена слепой верой в высшую силу, неспособны воспринимать очевидное. Люди для них – пыль, ничто. Кому не удастся начинить мозги своими измышлениями, тех надо бросить в пламя для устрашения и вразумления прочих. Для слуг Пророка любого учения истинно лишь то, что совпадает с их выдумками.

Совсем недавно он своими глазами видел подобное в монастыре у Сохатого.

Леха повернулся, чтобы уйти.

– А... это? – напомнил лейтенант, указывая на вещмешки.

– Заберут, – через плечо бросил изгнанник.

– Эй, ты правда уверен, что те снова придут? – торопливо переспросил комендант.

Лешага молча открыл дверь.

– Тебя Библиотекарь хотел видеть!

– Хорошо, приду. – Воин скрылся в доме.

* * *

Площадь космопорта «Эндимион-сити» в последний раз видела такое многолюдство, пожалуй, лишь в день Великого Исхода. Тогда корабли один за другим опускались на планету, выпуская из своего чрева тех, кому надлежало стать родоначальниками нового человечества. Именно с этой трибуны его дед провозгласил начало Лунной эры в истории цивилизации. И вот теперь он говорит, что скоро, возможно, даже почти наверное, состоится долгожданное возвращение, и любящая мать примет в объятия детей, с которыми так долго была в разлуке.

– ...Быть может, со времен, когда утлые кораблики Христофора Колумба пересекли океан, чтобы подарить европейцам Новый Свет, не было события, более значимого для человечества. Я уверен, что нас ждет эпоха нового Возрождения...

– Джуниор, мы с тобой – старые тупицы! – стоя позади главы оргкомитета станции, прошептал четвертый барон Ноллан.

– Не такие уж и старые, – делано оскорбился Тадеуш.

– Нет, мы сами – не старые, а как тупицы – просто образцовые. Надо было взять бус и зеркал, чтобы выменять Манхэттен у местного населения.

– И рому, главное – рому! – чуть склоняясь к плечу напарника, прошептал штурман.

– Это ни в коем случае, иначе ты повторишь подвиг Колумба, и вместо Земли прилетишь куда-нибудь на Венеру.

– Шути-шути, – оскорбился Сикорский. – Но я тебя в таком случае тоже расстрою: судя по всему, твой Манхэттен нынче скрыт в глубине океана, так что в лучшем случае наменяешь островков на месте Скалистых гор.

– Типун тебе на язык! – шепотом воскликнул Эд.

– Готов пари держать, – не остался в долгу потомок гордых шляхтичей.

– Идет! На три щелбана.

– По рукам.

– ...Я горжусь, – между тем продолжал глава оргкомитета станции, – что первый экипаж, отправляемый на Землю, возглавит мой сын!

– По-моему, твой папаша возомнил себя Господом Богом, а тебя ждет роль Христа. Надеюсь, тема искупительной жертвы ему все же не близка.

– Хватит язвить! – чуть слышно огрызнулся Эдвард Ноллан IV. – В конце концов, действительно, есть чем гордиться. Если наша миссия удастся, считай – место в учебниках и тебе, и мне обеспечено.

– То-то школьники будущего станут крыть нас на все лады, когда им придется заучивать тактико-технические характеристики нашего боевого корыта и крылатые фразы, которыми мы обменялись сразу после высадки, – хохотнул штурман разведывательного шлюпа «Джеймс Хоукинс».

– Пока летим, надо подготовиться. Что-нибудь кратенькое, вроде: «Приехали!»

– Лишь бы о нас самих потом не говорили: «Пролетели».

– ...Итак, – оратор поглядел на циферблат часов. Старинная, еще земной работы, стрелка с тихим звуком передвинулась на деление, отсчитывая последнюю минуту, – наступил исторический момент, и мы провожаем достойнейших сыновей Эндимион-сити, – он замолчал, набирая воздух. – Экипажу, занять места!

Оба астронавта щелкнули каблуками, заученно бросили правую руку к брови, развернулись и, чеканя шаг, направились к трапу. Дверь с тихим шипением опустилась, герметизируя корабль.

– Готово! – через минуту донеслось из динамиков. – Ключ на старт!

* * *

Слуга Библиотекаря, высокий худой мужчина, открыл дверь в книгохранилище и, пропустив Лешагу, накрепко задвинул тяжелый засов. Леха услышал скрежет за спиной и слегка насторожился. Время было урочным, всякий желающий сейчас мог зайти, приобщиться к древним знаниям, или просто поговорить с умным человеком.

Тут, в помещении, верхнее зрение не работало, и ученик Старого Бирюка помимо воли напрягся, не исключая подвоха. Конечно, заподозрить Библиотекаря в дурных намерениях в голову не приходило, но здесь было кому организовать засаду, силой заставив старика молчать.

В этих стенах, ясное дело, никто убивать не станет, но оглушить и вынести увязанным тюком за пределы Трактира могут, а там уж совсем другие законы.

Страж прислушался к своим ощущениям. Старый Бирюк учил, что бесследных мыслей не бывает, чем сильнее твой противник чего-то желает, тем ярче его образы. Если ты его враг, он буквально видит, как расправляется с тобой. Если не забивать свою голову пустыми страхами, можно услышать беззвучный голос чужого разума.

Было совсем тихо. У Лехи и сама эта тишина вызывала настороженность. Он чуть поморщился. Все же долгий опыт жизни в Диком Поле неизбежно превращал характер в подобие звериного инстинкта. Об этом наставник тоже когда-то говорил: «Если все слишком хорошо – впереди ожидает засада».

– Славно, что ты пришел, – раздалось за плечом Светлого Рыцаря.

Тот обернулся, досадуя, что не почуял приближения Библиотекаря, и недоумевая, как такое могло произойти.

– Я уж заждался, – улыбнулся Хранитель Знаний, – думал, чем мог тебя обидеть.

– Пришел, как только смог, – буркнул недовольный собой ученик Старого Бирюка.

– Да-да, понимаю. Это я так, ворчу по-стариковски. – Библиотекарь сделал жест рукой, приглашая гостя в клетушку собственных «покоев».

– Есть брусничный чай. Не желаешь ли? – хозяин книжной сокровищницы поманил за собой. – Мне от него и радость, и от хворей облегчение.

Воин кивнул, сиюсь угадать, что нужно ученому человеку. Уж точно, он позвал его не для того, чтоб напоследок угостить ароматным отваром из листьев и мелких красных ягод, что растут в мрачных колючих лесах предгорий Срединного хребта.

«Неужто, сам собирал? – подумал Леха – Ведь не ближний край!»

– Хотел тебе рассказать о Шаолине, – прервал его размышления Библиотекарь. – У этого места давняя история. Но это долгий разговор. Когда-нибудь, возможно, сам узнаешь, а может, и допишешь...

– С чего ты взял?

– У тебя на груди медальон. Эта штука непростая, я однажды уже видел такой.

Лешага вновь насторожился, оглядел собеседника, будто увидел впервые. Тот, похоже, знал больше, чем говорил, но, если что-то держал при себе, значит, имел на то свой резон.

– Один человек, – будто нехотя стал объяснять старик, – он умер очень давно, задолго до твоего рождения, говорил, что этот медальон – ключ, а где-то в горах, не в этих, а далеко отсюда, есть дверь, которую он может открыть.

Леха вытянул из-за пазухи амулет, осмотрел его, пожал плечами. Это было совсем не похоже ни на кованые, напоминающие крючья, современные ключи, ни на прежние, совсем маленькие.

«Хранитель Знаний, несомненно, прежде был очень умным человеком, но теперь уж годы берут свое, – крутилось в голове у Лехи, – жаль, начинает путаться. Ну, ключ так ключ. Пусть будет так».

Опять же, вон Тиль, пока они шли сюда от сожженного перевоза, рассказывал историю о том, что пещеру заставляли открыться нелепым криком: «Сезам, отворись!» Песнопевец же клялся, что это чистейшая правда, а в пещере были припрятаны сокровища. Правда, что такое «сокровища», он не помнил, но знал одно: даже если иметь только часть этого, то заживешь припеваючи.

– Так вот, – между тем продолжил Библиотекарь, – умирая, этот человек сказал, что ключ открывает особое место, из которого нужно подать сигнал Ноллану, и тот вернется.

Ученик Старого Бирюка напрягся, стараясь не подать виду. О подобном «тайном Бунке» уже рассказывал сказитель. Правда, его словам веры немного, но вот теперь и ученый муж говорит то же самое.

– Где же искать эту дверь?

Старик пожал плечами.

– Возможно, где-то там, – он кивнул на медальон. – Во всяком случае, подсказки, наверное, в тех краях.

Лешага кивнул.

– Значит, я найду Бурого, и мы пойдем туда.

– Не торопись, – покачал головой собеседник. – Похоже, именно из тех земель идут людоеги. А они, уж будь уверен, станут искать тебя.

– Откуда бы им знать обо мне?

– Все Дикое Поле гудит, как растревоженный улей, о твоей победе, – хмыкнул Хранитель Знаний. – Но не сомневайся, по ту сторону Хребта узнали о Светлом Рыцаре Лешаге, – он едва заметно усмехнулся, собирая у глаз многочисленные стрелки морщинок, – гораздо раньше.

– С чего ты взял?

– Вспомни, там, на поле боя, противник знал наш план. А ведь мы готовили его со всей возможной секретностью. Уверен, кто-то сообщил людоегам.

Лешага вспомнил засадный полк, обнаруженный ими с высоты маратовского летающего навеса, неудачную посадку и пришедшего на помощь Усача. Сжал крепко зубы.

«Как нелепо!» – подумал он, но промолчал, лишь кивнул, давая понять, что принял к сведению предостережение.

– Я еще хотел спросить насчет Барьера, – глотнув из глиняной чашки душистого отвара, вновь заговорил Леха. – Это такой незримый рубеж, который порождает безумный ужас у всякого, кто к нему приближается. Даже не ужас... не знаю, как и сказать, все тело будто в узел страхом закручивает. Тебе что-либо известно?

– Известно, но это мало что даст.

– Это еще почему?

– Потому что объяснять сейчас физику инфразвука, увы, – дело совершенно безнадежное. Впрочем, я и сам толком не смогу рассказать. Могу лишь добавить, что, если бы Ужас не подействовал, следующая волна попросту выжгла бы мозг.

Ученик Старого Бирюка нахмурился.

– Но погоди, – Хранитель Знаний указал на громоздкий стол, – помоги мне сдвинуть его.

Лешага повиновался. Старик отвернул потертый коврик, сплетенный из тростника, и указал на массивное кольцо в полу.

– Тяни верх.

– Что это? – поднимая крышку люка, спросил воин.

– Назовем это так – спецхран.

Глава 6

– Достаточно!

Эргез сделал останавливающий жест, и нукер замер с поднятой над головой палкой.

– Ты будешь говорить правду? – халиф вытащил из ножен Шамшир и начал водить острием по исполосованной спине пленника.

– Я говорю правду, великий господин! – взвыл несчастный. Руки и ноги его были растянуты в стороны и привязаны к стволам деревьев, так что он висел над землей, едва-едва не касаясь животом и лицом вбитых в землю отточенных кольев.

– Почему я должен тебе верить? – наместник Пророка чуть надавил, рассекая кожу и любуясь тем, как проступает в прорез алая кровь. – Клянешься, что ты караванщик, однако с тобой не было ни груза, ни вьючных животных, зато было оружие, вполне подходящее, чтобы попытаться убить меня.

– На нас напали раздольники! – простонал бедолага. – Спасением клянусь, я – караванщик. Меня зовут Исмаил. В Ориенском бунке меня каждый знает! Любой подтвердит!

– Когда мы войдем туда, может, и подтвердит. Если ты будешь говорить истину, то истина сделает тебя свободным. – Эргез поднес острое к веревке, стягивающей запястья торговца и начал просовывать холодную сталь между кожей и путами.

– Нет-нет, не надо! – взмолился купец.

– Ты что же, не желаешь свободы?

– Не желаю, великий господин. Одного хочу: служить вам, преданно служить. Хотите, собакой буду? На врагов лаять стану!

– Глупец! – вздохнул Эргез. – Как ты сможешь быть вернее собаки? Им я доверяю куда больше, чем людям, а тебе, шакал, вовсе не верю.

– Я правду говорю, – подвывал Исмаил. – Шли караваном, раздольники напали, весь товар отняли, нас продать хотели...

– Раздольники отняли товар, – скептически покачал головой наместник. – Какая беда! И где он теперь?

– На раздольников напали прорвы, кое-кому из бандитов вместе с нами удалось сбежать, а потом мы исхитрились...

– Нет, гадючий выползень, это сейчас, даже за миг до смерти, ты хитришь. Неужели думаешь, я поверю, что тебе, трусливому шакалу, удалось справиться с раздольниками и скрыться? Кого ты пытаешься обмануть, глупец? Говори прямо, кто ты – соглядатай, или подосланный убийца.

– Я простой караванщик! – обреченно стонал бедолага, в исступлении мотая головой, чуть не касаясь носом отточенных кольев. – Нас спасли!

– Новая ложь! – досадуя, прикрикнул Эргез и плашмя огрел пытаемого клинком вдоль спины. – Если бы вас освободили, вы бы шли в свой Бунк вместе с чьим-нибудь караваном или сидели в Трактире, ожидая подмоги.

– Они прятались в лесах. Нас спасли, но мы сбежали! – предчувствуя худшее, заорал Исмаил.

Наместник скривился, точно от зубной боли, и взмахнул саблей.

– Нет-нет, не убивайте! Клянусь именем Пророка и пламенем истинной веры, так все и было! Нас спас бывший страж Лешага. Он шел в Трактир. Я хотел его нанять, но Лешага не согласился, на службу идти не пожелал. Тогда-то мы и бежали, прихватив оружие одного из раздольников, а затем сбились с пути! Шли, стараясь держаться людных мест, и сбились. Это чистая правда, великий господин!

– Лешага! – сквозь зубы процедил халиф, вспоминая рассказ гонца дурной вести о гибели брата. – Снова он!

В этот миг к нему с поклоном, не смея поднять глаз, подошел один из подручных и протянул исчерканный черными значками выскобленный лоскут бараньей кожи. Избранник Аттилы углубился в чтение.

– Они говорят одно и то же, – досадливо поморщился он. – Должно быть, сговорились.

– О, светозарный! – вновь кланяясь, заговорил слуга. – Мы забили двоих, требуя открыть правду. Неверные умерли, твердя, что их слова и есть правда.

– Вот даже как, – наместник покачал головой. – Что ж, если они и впрямь уверовали в Пророка истины, как о том воеет эта падаль, то лучший мир уже распахнул для них ворота блаженства. А если нет – так им и надо. В пламень их, а ты, – Эрgez внимательно поглядел на Исмаила, – совсем недавно ты желал быть моим псом...

– И ныне желаю, великий господин, – проскулил караванщик, – превыше всего желаю.

– Хорошо. Я окажу тебе честь. Ты сможешь доказать, что достоин моего доверия, или лучше бы тебе не рождаться на свет, – он вновь покачал головой и пробормотал себе под нос: – Лешага, мы скоро встретимся.

Теряя интерес к пленнику, наместник повернулся и зашагал к походному дворцу, скороговоркой кинув через плечо:

– Снимите, обработайте раны, накормите. Пусть пока живет.

* * *

Селяне шли к лесу, не таясь, перекликались, точно стадо некормленных коров. Слышались угрозы невесть какому врагу.

«Кого Владыка Мира, – тут Седой Ворон обычно поднимал палец к небесам, – хочет наказать, лишает разума» – эту фразу наставник частенько повторял в прежние годы. Должно быть, этих несчастный Творец Небесный как раз решил за что-то покарать.

Незванный гость тем временем остановился, замер, прислушиваясь. Потом качнулся, будто перетек за ближайший куст, почти слившись с ним. Мужикам не светит его отыскать, разве что кто-то наступит ненароком. Да и то не факт – пришелец от этого и не вздрогнет, а раззява может попрощаться с жизнью. Другому бы этого было вполне достаточно, но не Ему. Он жаждет крови и, едва дорвавшись, не остановится, пока не уничтожит все, что движется. Эти бедолаги умрут один за другим, не успев понять, что происходит.

Между тем земляки шли навстречу опасности, подбадривая себя воинственными криками. Заинтересованное воронье поднялось в небо, чтобы получше рассмотреть картину предстоящей бойни и занять выгодные места над головами будущей добычи.

«Что мне до этих людей?» – мелькнуло в голове Бирюка. Он попытался отогнать мысль, и тотчас же почувствовал, как напрягся его противник.

«Ладно уж, – Бирюк скривился и проверил, хорошо ли выходит спрятанный под курткой нож. – Придется здороваться».

* * *

Если бы Лилию в этот момент спросили, чего она желает больше всего, девушка бы гневно выкрикнула: «Огреть Лешагу чем-нибудь тяжелым по голове!» Это ж надо такое придумать: идти к Барьеру, рискуя сломать там себе шею. А ее выкинуть, точно стоптанный башмак. Что за блажь?! Почему она должна идти в селение чешуйчатых, да еще в сопровождении Заурбека?! Тот, конечно, храбрый парень и собою недурен, но, кажется, один лишь ее избран-

ник во всем Трактире не видит, какие взгляды бросает на нее этот пылкий страж. От одних взглядов не то что покраснеть – родить можно!

А Лехе хоть бы хны! Заурбек сказал, что знает дорогу, а тот и рад. Ну как, спрашивается, как так можно?! Она очень хотела сейчас закинуть за плечо свой автомат с узорчатым прикладом и заявить, что сама себе голова и в чужих приказах не нуждается. Только ведь и этим Лешагу не пронять. Глянет, покачает головой, скажет, глупо, мол, одна никуда не пойдешь, в Диком Поле и мужчине-то в одиночку делать нечего.

И что с того?! Вон, с Маратом может пойти. Уже ходила. Тоже мне, Лешага, умник выискался. От негодования девушка чуть не плакала и, чтобы отвлечься, стала представлять себе ту жизнь, о которой не раз мечтала.

Основательный дом за высоким частоколом, в доме – она и Леха. Густой лес в ее воображении шумел могучими кронами над домом, и никого вокруг.

Лилия, прикрыв глаза, на мгновение задумалась: «Ну, еще, конечно, Черный», – в тот же миг могучий пес возник на воображаемой лужайке перед домом, а за частоколом надсадно завывала остальная стая.

«Ну да, и они, куда ж от них деться?!» – псы немедленно переместились внутрь изгороди, сменив вой на залиvistый лай. Девушка удивилась, даже насторожилась: «Интересно знать, на кого это лают собаки? Ну да, конечно, Марат. Что за новости, он-то откуда? Это же мое воображение!» – чуть не застонала Лил.

Но псы не унимались. Они с самого начала отчего-то недолюбливали драконида, но подымать такой шум?.. И тут ей стало понятно, отчего так заходятся собаки. Марат был не один! Рядом стояла его точная копия, но женского пола.

«Ну, так и есть! – девушка схватила за голову. – Сейчас еще приедет с охоты Бурый...»

В голове мелькнула предательская мысль: «Интересно, один или с Заурбеком? О, Ноллан всезнающий и всемогущий!» – Она сжала ладонями виски, а из-за обструганных бревен частокола меж тем неслась заунывная раздольничья песня в исполнении Анальгина, подхваченная вечно голодной оравой.

– Ваша преподобная милость, – невесть откуда появившийся брат Каноник склонил голову, – прикажете отворить ворота?

И она обнаружила, что одета в застиранную алую рубаху Сохатого.

Дочь старосты трянула волосами, чтобы отогнать морок, и в тот же миг почувствовала, что ее руки кто-то касается.

– Лил, спишь? – Марат склонился над ней, дремлющей в углу на табурете. – Я поговорить с тобой хотел.

Девушка смотрела на драконида непонимающим взглядом, точно пыталась разглядеть спрятавшуюся за его спиной подругу: «Что ему нужно? Отдельная комната? Где я ее возьму?!»

– Поговорить хочу, – вновь повторил чешуйчатый. – Это важно. – Он запнулся. – Это насчет Заурбека.

– Нет! – вскочила Лилия. – Ненавижу вас! – Она уселась лицом к стене, рыдая в голос. – Всех ненавижу!

А рядом, от неожиданности сев на пол, хлопал круглыми глазами Марат.

– Ненавижу! – всхлиывая, бубнила она. – Всех ненавижу!

* * *

Лица экипажа самолета выглядели так, будто их только что пропустили через центрифугу, и сейчас они мучительно пытаются вернуть чертам прежний вид. Седой Ворон перевел взгляд с пилота на штурмана. Да, не лукавит.

– Мы не снижались, чтобы приземлиться на дозаправку, – будто извиняясь, напомнил бортинженер, – на аэродром подскока.

Выходит, нужно садиться на площадке величиной не больше теннисного корта. Придется лезть в самую пасть черт знает к кому, заведомо плотоядному, и, как ни печально, единственным объектом охоты этого «черт знает кого» является он сам. С остальными тоже церемониться не будут. Они – просто лишний балласт.

– Здесь есть другие посадочные полосы?

– Мы в горах, сэр, откуда тут взлетки? Хотя, – пилот с надеждой глянул на штурмана, – когда-то сравнительно неподалеку была военная база Советов, потом ею пользовались американцы. Там сажали транспортники. Но это было уже много лет назад. В тех краях давным-давно никого нет. Ни диспетчеров, ни навигационного оборудования.

– Далеко отсюда?

– Двадцать минут лету, если мы сейчас же разворачиваемся и ложимся на обратный курс.

– Изрядно, – нахмурился Седой Ворон, умножая подлетное время на скорость движения лайнера.

– Сэр, нужно принимать решение. Горючего и так хватит впритык!

– Хорошо, идем на старую базу, – распорядился бывший послушник Шаолиня. – Передайте на землю сигнал, что мы вынуждены совершить аварийную посадку, но координат пока не сообщайте.

– Но почему, сэр?

– Потому что я так приказал, – разведчику не хотелось пускаться в объяснения. Несомненно, тот, кто подготовил угон самолета, принял максимум возможных мер, чтобы контролировать ситуацию, а значит, прослушивает все разговоры экипажа с башней управления полетами. Как только на землю поступил сигнал, что самолет захвачен, организатор угона понял, что все идет по его плану. Заход на аварийную посадку также укладывается в сценарий, и это позволит выиграть немного времени, чтобы разузнать подробности замысла противника.

«Если от этого сброда, – он поглядел на связанных террористов, – можно добиться чего-нибудь путного»

Седой Ворон подошел к сидящим на полу угонщикам.

– Вы можете жить, а можете умереть. Мне все равно. Станете отвечать честно и откровенно – я вас не трону. Решите юлить – выброшу за борт.

Пленники загомонили, в один голос уверяя, что всего лишь подрались совершить посадку в указанном месте, что прежде работали в разорившейся пакистанской авиакомпании, оказались на улице без гроша, и лишь необходимость кормить многочисленные семейства толкнула их на столь опасную дорогу. Похоже, в этом они не лукавили. Хотя резиденту Ноллана по опыту было известно, что подобные люди готовы клясться чем угодно, лить слезы и целовать грязь под ногами, лишь бы спастись. Правдой для них временно было то, что, по их разумению, хочет слышать человек с оружием в руках.

– А он – кто? – перебивая дурацкие причитания, мастер выживания показал на их мертвого главаря.

– Это Хусейн, – торопливо пояснил один. – Хусейн Мэйн из Америки.

Воин бросил взгляд на коченеющий труп. Пожалуй, да, под окладистой черной бородой были упрятаны вполне европеоидные черты. Стало быть, из новообращенных. Такие хуже всех.

– Хусейн из группы «Мечи Джихада», – затараторил второй. – он прибыл в город несколько дней назад, и сразу к нам. У него были адреса!

Седой Ворон припомнил список организаций террористов-фанатиков. «Мечей Джихада» среди них не было.

«Что-то новое? Может, конечно, и так, но в этом случае надо признать, что работа поставлена неплохо. Приехать из Штатов, имея в кармане адреса оголодавших летчиков, готовых на

все, чтобы подзаработать денег. Кто-то провел неплохую подготовку к силовой акции. И эти клетки...»

– Вы тоже из организации?

– Нет-нет! – заголосили угонщики. – Мы же сказали: подрядились только посадить самолет, если экипаж не пожелает.

– А этот – кто? – он кивнул на лежавшего без сознания стюарда.

– Никогда прежде не видели. Он же из этого рейса.

– Кстати, – резидент Ноллана повернулся к командиру воздушного судна, – что вы скажете о бывшем стюарде?

– Его прислали только сегодня. Наш заболел.

– Угу, – резидент снова перевел взгляд на истинного главаря, – возможно, не только заболел, но уже умер и похоронен.

– Сэр, – обратился к нему штурман, – мы заходим на посадку. Прошу вас сесть в кресло. Если даже нам повезет, приземление будет очень жестким.

* * *

Скобы, вделанные в бетонную стену, были холодными и влажными. Время окрасило их бурой ржавчиной, и все же они казались такими основательными, будто выросли в облицовку шахты железными корнями.

– Спускаемся. – Библиотекарь зажег масляную светильню и вручил ее Лешаге. – Иди первым.

Тот с удивлением поглядел на хозяина книжных богатств. Как-то в его голове не вязались это подземелье, о котором, возможно, не было известно даже самому Трактирщику, и этот старик, один из немногих, отчетливо помнивших Тот День. Сколько раз прежде Леха бывал в этих местах, но и подумать не мог, что здесь может быть такое. Он посветил в шахту, пытаясь оценить ее глубину. Дна видно не было.

– Давай же, что ты медлишь? – голос ученого мужа звучал настойчиво, почти властно.

«Если начну спускаться, а он закроет крышку, здесь я и подохну, – мелькнула в голове предательская мысль. – Вот же будет нелепая смерть. И никто ни в чем не заподозрит убийцу. В самом деле, как можно? А вдруг именно он передавал информацию врагу? Почему бы и нет? Здесь ему каждый верит, он – Хранитель Знаний, что-то такое неизблемое, как восход и закат...» – воин мотнул головой, отгоняя подозрения, и поправил автомат на груди. Приняв светильню, он начал спуск.

Украдкой Леха все же поглядывал вверх, ожидая страшного звука скрипнувших петель. Как только он раздастся, есть крошечный момент, чтобы открыть предупредительный огонь.

«Конечно, только дурак станет в этот миг глядеть в шахту, да и здание старое, каменное, так что пули, ударив в потолок, уйдут рикошетом вниз, могут и зацепить. – Ученик Старого Бирюка спускался все глубже. – А возможно, и нет».

Сверху слышался тихий шорох. Бывший страж вздохнул с облегчением. Слава Ноллану, Библиотекарь, кряхтя, спускался вслед за ним. Наконец, шахта закончилась. Под ногами был бетонированный тоннель, расходящийся в обе стороны.

– Вот как-то так, – опираясь на руку Лешаги, констатировал старик, оказавшись на твердой поверхности. – Так, где-то тут оно было. Присвети.

Воин поднес беспокойно мечущийся на фитиле огонек туда, куда показывал Хранитель Знаний. Недалеко от лестницы в стене красовался темный провал, в котором аккуратными рядами, точно патроны в ящике, лежали какие-то небольшие, пожалуй, в ладонь длиной, трубки. Старик достал одну из них, зажал ее концы в кулаках и сделал усилие, будто переламывает. Внутри трубка озарилась довольно ярким голубоватым сиянием.

– Возьми одну себе, – скомандовал он. – А светильню погаси, ни к чему масло тратить.

Ученик Старого Бирюка повиновался, осторожно повторяя действия спутника. Трубка засветилась куда ярче привычных свечей, но каким-то неживым, холодным светом.

– Что это? – спросил Леха. Бывший страж вспомнил рассказы Марата о волшебных палочках, которыми владели какие-то феи, способные превратить тебя в лягушку, а мышь – в коня. Неужели он держит в руках одну из них?

– Химический источник света, – пояснил Библиотекарь. – Свечение происходит благодаря реакции раствора фенилоксалата с перекисью водорода, ну и краситель для цвета.

Из услышанного товарищ Светлый Рыцарь не понял ни слова, но, пожалуй, готов был отдать половину причитающихся патронов, чтобы обладать теми необычайными знаниями, которыми владел его проводник.

– Ступай за мной, – тем временем скомандовал тот. – Здесь недалеко.

– Где мы?

– Глупый вопрос, Лешага. Под Трактиром.

– Но ведь не Трактирщик и не ты построил это?

– Нет, задолго до нас. Пока не настал Тот День, здесь был замаскированный командный пункт. Тут по берегу проходила целая оборонительная линия. Кстати, Лыбые Камни, около которых находится твое жилище, – лишь верхушки долговременных огневых точек. Когда-то они контролировали переправы. А здесь, – он указал вперед, – находился штаб огромного укрепленного района.

– Откуда тебе известно?

– Читал дневник одного из тех, кто находился здесь в Тот День. Могу дать почитать, если хочешь. Там много интересного.

Хранитель Знаний остановился перед массивной дверью со штурвалом. Она была приоткрыта, и Леха прикинул, что, пожалуй, без помощи Бурого едва ли смог бы отодвинуть такую железную громаду. При мысли о побратиме глухо зануло сердце.

– Вот мы и у цели. – Библиотекарь вошел в помещение, заставленное столами, поверх которых громоздились непонятного вида ящики с застекленными окнами.

– Что это? – глядя на странные приспособления, спросил ученик Старого Бирюка.

– До Того Дня в этом месте была огромная библиотека. Каждая такая штука хранила книг больше, чем ты когда-либо видел.

Воин с недоумением поглядел на ящики. Они были от силы в ладонь толщиной. Старик, похоже, опять нес какую-то нелепицу. Он вспомнил библиотеку Декана, да и здешнюю, во все эти застекленные коробки нельзя было запихнуть и десятой части, как мудро говаривал сам хозяин книжной сокровищницы, единиц хранения. Но тот, кажется, вовсе не собирался обсуждать с ним эти чудеса. Хранитель Знаний подошел к одному из столов и взял ярко раскрашенный лист бумаги.

«Карта», – догадался бывший страж. Прежде ему доводилось иметь дело с самодельными кроками – памятными рисунками, которые делали для себя караванщики, пускаясь в дальний путь. На большом листе выделанного из телячьей шкуры пергамента изображались места, удобные для стоянок, источники, отмечались броды на реках и многое другое, что могло пригодиться в пути. Конечно, подобную информацию всегда было лучше хранить в голове, но были такие, кто составлял подобные кроки.

Так вот, как говаривал наставник, кроки – лишь слабое подобие карты. На карте можно сразу увидеть весь мир, со всеми его горами, лесами и морями. Леха с интересом поглядел на чудо в руках Библиотекаря. Неужели это и есть настоящая карта?

– Смотри, – меж тем говорил старик, – это спутниковая фотография, сделанная в первые часы после событий Того Дня. Здесь видны зоны полного затопления и результаты, – он указал пальцем на черные круги, – ракетно-ядерных ударов.

Лешага с удивлением слушал Хранителя Знаний, дававшего пояснения твердым, едва ли не железным тоном. Он не понимал большей части слов, но очень хотел понять.

– Смотри, – вновь повторил Библиотекарь, расстилая карту на столе. – Вот здесь, видишь эту синюю линию, находимся мы. А вот тут, – он сдвинул указательный палец далеко вправо, – когда-то располагался Шаолинь.

Глава 7

Он замер и прислушался. Лес казался абсолютно спокойным, беззаботные птицы трещали так задорно, что невольно хотелось улыбаться. Он вообще любил этих белобоких чернокрылых птиц за их любопытство и неунывающий нрав, однако сейчас за их стрекотом таилось что-то настораживающее, он сам пока не понимал, что, но чувствовал прекрасно, как в районе копчика вдруг начало противно ныть, и это был верный знак остановиться. Если бы в своей жизни он не прислушивался к таким малозначительным на первый взгляд сигналам, то, пожалуй, сегодня уже не ходил бы по земле.

– Ты по-прежнему хорош, – насмешливо донеслось из-за ошестинившихся иглами кустов.

– Тем и живу, – ответил человек, на всякий случай отступая в тень. После разгрома отряда Ильшаха от хозяина можно было ожидать короткого и однозначного, как свист клинка, приговора. Оставалось лишь гадать, какой смерти пожелает его предать наместник Пророка.

– Не бойся, – верно оценивая это движение, эмиссар вышел из-за дерева, небрежно держа автомат стволом вниз, этакое расслабленное спокойствие, точно вышел полюбоваться красотой леса, а оружие прихватил просто так, чтоб было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.